

National Research
**Tomsk
State
University**

международный
исторический журнал
Русини

ТОМСК
2020

Славянские языки в условиях современных вызовов

программа конференции

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Международный исторический журнал «Русин»**

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
ВЫЗОВОВ**

Международная научная конференция

19 – 20 октября 2020 года

ПРОГРАММА

Томск 2020

*Конференция посвящается 90-летию со дня рождения Маины Николаевны
Янценецкой*

**Конференция проводится при поддержке
Министерства науки и высшего образования Российской Федерации
[грант № 14.Y26.31.0014]**

Оргкомитет

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – председатель
ДЕМЕШКИНА Татьяна Алексеевна – заместитель председателя
ЭМЕР Юлия Антоновна – зам. председателя
ТУБАЛОВА Инна Витальевна
ТОЛСТИК Светлана Александровна
ФИЛЬ Юлия Вадимовна
БЫЛИНА Анастасия Сергеевна – ответственный секретарь

Программный комитет

ДРОНОВА Любовь Петровна (Томск, Россия) – председатель
СУЛЯК Сергей Георгиевич (Санкт-Петербург, Россия; Тараклия, Молдова) –
заместитель председателя
АНАНЬЕВА Наталья Евгеньевна (Москва, Россия)
БЕРЕЗОВИЧ Елена Львовна (Екатеринбург/Москва, Россия)
ДЫБО Анна Владимировна (Москва/Томск, Россия)
РУТ Мария Эдуардовна (Екатеринбург, Россия)
СОБОЛЕВ Андрей Николаевич (Санкт-Петербург, Россия)

Рабочая группа конференции

АРТЕМЕНКО Елена – научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ
ВОСТРОВА Юлия – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ТГУ
ДУШЕЙКО Александр – лаборант Лаборатории лингвистической антропологии, магистрант АМП «Компьютерная и когнитивная лингвистика» ТГУ
СТЕПАНЕНКО Андрей – младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии, ассистент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ТГУ

Формат работы конференции:
Online, Zoom

Для участия необходимо установить программу/приложение на свой компьютер, планшет или телефон. Также вы можете использовать браузеры и участвовать в конференции, не устанавливая дополнительного программного обеспечения. Все программы и приложения доступны для скачивания по следующей ссылке: <https://zoom.us/download>

Ссылки для участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции 17.10.2020. Репетиция подключения в Zoom состоится 17 октября в 16 до 17 часов *по московскому времени*. Адрес будет отправлен накануне.

Время работы конференции
(ВНИМАНИЕ: время московское)

19 ОКТЯБРЯ 2020 г.

Открытие конференции
09:00 – 09:20

Пленарное заседание
09:20 – 11:20

Заседания секций

Секция 1. Славянские языки: историко-филологические аспекты		11:50 – 14:20
Секция 2. Социолингвистические аспекты изучения славянских языков и языковое контактирование	Заседание 1	11:50 – 14:20
Секция 3. Славянские языки сквозь призму новых исследовательских парадигм: Дискурсивные исследования	Заседание 1	11:50 – 14:20

20 ОКТЯБРЯ 2020 г.

Заседания секций

Секция 2. Социолингвистические аспекты изучения славянских языков и языковое контактирование	Заседание 2	09:00 – 12:00
---	-------------	---------------

Секция 3. Славянские языки сквозь призму новых исследовательских парадигм: Дискурсивные исследования	Заседание 2	09:00 – 11:30
Секция 4. Славянские языки сквозь призму новых исследовательских парадигм: Когнитивные исследования		09:00 – 12:00

Заккрытие конференции

12:20 – 12:50

Регламент работы конференции: доклад с обсуждением – 30 минут (доклад 20 минут, 10 минут – обсуждение).

Рабочие языки конференции: русский, другие славянские, синхронный перевод не предусмотрен.

Программа
Международная научная конференция
«Славянские языки в условиях современных вызовов»

19 ОКТЯБРЯ 2020 г.

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ
09:00 – 09:20

Председатели:
Резанова Зоя Ивановна
Суляк Сергей Георгиевич

Приветствие участникам конференции
главного редактора журнала «Русин» **С.Г. Суляка**
председателя оргкомитета конференции **З.И. Резановой.**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
09:20 – 11:20

Председатели:
Суляк Сергей Георгиевич
Резанова Зоя Ивановна

09:20 – 09:50 **Суляк Сергей Георгиевич**, г. Санкт-Петербург (Россия); г. Тараклия (Молдова) **Н.И. НАДЕЖДИН И КАРПАТСКАЯ РУСЬ**

09:50 – 10:20 **Березович Елена Львовна, Кучко Валерия Станиславовна**, г. Екатеринбург (Россия) **МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ *КОШАЧЬЕ ЗОЛОТО* И *КОШАЧЬЕ СЕРЕБРО* КАК ПРИМЕР ПРОЦЕССА КУЛЬТУРНОЙ РЕМОТИВАЦИИ ПРИ КАЛЬКИРОВАНИИ**

10:20 – 10:50 **Высочаньски Влодзимеж**, г. Вроцлав (Польша) **«РАВНОДУШИЕ» КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ В ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

10:50 – 11:20 **Вепрева Ирина Трофимовна**, г. Екатеринбург (Россия), **Пазио-Влазловская Дорота**, г. Варшава (Польша) **ЭРГОНИМЫ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОЦЕССАХ НОМИНАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ**

ПЕРЕРЫВ: 11:20 – 11:50

СЕКЦИЯ 1
Славянские языки: историко-филологические аспекты

11:50 – 14:20

Председатели:
Щеглова Ольга Георгиевна
Филь Юлия Вадимовна

11:50 – 12:20 **Щеглова Ольга Георгиевна**, г. Новосибирск (Россия) **ОТВЛЕЧЕННАЯ ЛЕКСИКА В СТИШНОМ ПРОЛОГЕ**

12:20 – 12:50 **Бакшаева Алёна Андреевна**, г. Казань (Россия) **МАРГИНАЛИИ НА ПОЛЯХ РУКОПИСИ ХРИСТИНОПОЛЬСКИЙ АПОСТОЛ XII ВЕКА**

12:50 – 13:20 **Садыкова Ирина Викторовна**, г. Томск (Россия) **РЕФЛЕКСЫ ПРАСЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА *РҮТАТИ: К ВОПРОСУ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ**

13:20 – 13:50 **Филь Юлия Вадимовна, Вострова Юлия Александровна**, г. Томск (Россия) **СЕМАНТИКА ПРОСПЕКТИВНОСТИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ, ДРЕВНЕРУССКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКОЙ ПРЕД-)**

13:50 – 14:20 **Толстик Светлана Александровна**, г. Томск (Россия) **ПОНЯТИЕ «ВЕРА» В ИСТОРИИ РУСИНСКОГО ЯЗЫКА**

СЕКЦИЯ 2
**Социолингвистические аспекты изучения славянских языков и языковое
контактирование**

Заседание 1

11:50 – 14:20

Председатели:
Гринев Сергей Викторович
Халина Наталья Васильевна

11:50 – 12:20 **Халина Наталья Васильевна**, г. Барнаул (Россия) **КОММУНИКАТИВНАЯ ИСТОРИЯ РУСИНОВ: СОЗДАНИЕ КОГНИТИВНОГО МИРА**

12:20 – 12:50 **Дыбо Анна Владимировна** г. Москва (Россия), **Резанова Зоя Ивановна**, г. Томск (Россия) **ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМ ПАДЕЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ ШОРСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ**

12:50 – 13:20 **Натпит Айдысмаа Андреевна**, г. Кызыл (Россия) **АССОЦИАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РУССКИХ СЛОВ-СТИМУЛОВ У ТУВИНСКИХ БИЛИНГВОВ**

13:20 – 13:50 **Демешкина Татьяна Алексеевна, Волошина Светлана Владимировна, Толстова Мария Анатольевна**, г. Томск (Россия) **РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЖИТЕЛЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (РУССКО-БЕЛОРУССКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ)**

13:50 – 14:20 **Гринев Сергей Викторович, Сорокина Эльвира Анатольевна**, г. Москва (Россия) **СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

СЕКЦИЯ 3

Славянские языки сквозь призму новых исследовательских парадигм: Дискурсивные исследования

Заседание 1

11:50 – 14:20

Председатели:

Трофимова Галина Николаевна

Глотов Александр Леонидович

11:50 – 12:20 Трофимова Галина Николаевна, г. Москва (Россия) ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ РЕСУРСОВ ИНТЕГРАТИВНОСТИ В МЕДИА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

12:20 – 12:50 Дымарский Михаил Яковлевич, г. Санкт-Петербург (Россия) РАСШИРЕННАЯ НОМИНАЦИЯ КАК МОДИФИКАТОР СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

12:50 – 13:20 Глотов Александр Леонидович, г. Кременец (Украина) ЯЗЫКОВАЯ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛИРИЧЕСКОГО АНЕКДОТА ПРО ВОЙНУ В УКРАИНСКОМ КВАЗИФОЛЬКЛОРЕ XX СТОЛЕТИЯ

13:20 – 13:50 Тубалова Инна Витальевна, Наземцева Мария Андреевна, г. Томск (Россия) ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАРКЕРОВ "СВОБОДЫ" В ДИСКУРСЕ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И СЕРБСКОГО ПРАВОВОГО ДОКУМЕНТА

13:50 – 14:20 Ицкович Татьяна Викторовна, г. Екатеринбург (Россия), Пазио-Влазловская Дорота, г. Варшава (Польша) СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ТЕКСТАХ БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРАВОСЛАВНЫХ И КАТОЛИЧЕСКИХ САЙТОВ ЗНАКОМСТВ)

20 ОКТЯБРЯ 2020 г.

СЕКЦИЯ 2

Социолингвистические аспекты изучения славянских языков и языковое контактирование

Заседание 2

09:00 – 12:00

Председатели:

Шишигин Кирилл Александрович

Жолнерович Петр Петрович

09:00 – 09:30 Шишигин Кирилл Александрович, г. Кемерово (Россия), Ульянов Алексей Леонидович, г. Москва (Россия) БЕЛОРУССКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

09:30 – 10:00 **Жолнерович Петр Петрович**, г. Минск (Белоруссия) ПОЛИЛИНГВАЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

10:00 – 10:30 **Харченко Светлана Юрьевна, Стародубцева Наталья Анатольевна**, г. Волгоград (Россия) ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕРИВАЦИОННОЙ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСЕЙ УСТНОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ РУССКО-УКРАИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

10:30 – 11:00 **Резанова Зоя Ивановна**, г. Томск (Россия) РУССКИЙ И ШОРСКИЙ ЯЗЫКИ В ДИСКУРСАХ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ И ЭТНОЯЗЫКОВОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ШОРЦЕВ

11:00 – 11:30 **Королькова Полина Владимировна**, г. Москва (Россия) ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕРНОГОРИИ

11:30 – 12:00 **Буб Александра Сергеевна**, г. Томск (Россия) ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА КАК МАРКЕР ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХЭРИТАЖНЫХ БИЛИНГВОВ

ПЕРЕРЫВ 12:00 – 12:20

СЕКЦИЯ 3

Славянские языки сквозь призму новых исследовательских парадигм:

Дискурсивные исследования

Заседание 2

09:00 – 11:30

Председатели:

Мещерякова Ольга Александровна

Зеленко Сергей Викторович

09:00 – 09:30 **Рыбальченко Татьяна Леонидовна**, г. Томск (Россия) АВТОРСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ КОД И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЛИРИКИ НА РОДСТВЕННЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

09:30 – 10:00 **Зеленко Сергей Викторович**, г. Минск (Белоруссия) ОКСЮМОРОН КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РУСИНСКОГО БУДИТЕЛЯ А. ДУХНОВИЧА

10:00 – 10:30 **Мещерякова Ольга Александровна**, г. Санкт-Петербург (Россия) О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК)

10:30 – 11:00 **Аникин Денис Владимирович**, г. Барнаул (Россия) ПАРАЛЛЕЛИ В ЭПОСАХ НОВОПЕРСИДСКОГО И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВЫХ КОНТИНУУМОВ

11:00 – 11:30 **Эмер Юлия Антоновна, Акентьева Ксения Алексеевна**, г. Томск (Россия) ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТОВ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СТРАН С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

ПЕРЕРЫВ 11:30 – 12:20

СЕКЦИЯ 4

Славянские языки сквозь призму новых исследовательских парадигм: Когнитивные исследования

09:00 – 12:00

Председатели:

Кульпина Валентина Григорьевна

Рабенко Татьяна Геннадьевна

09:00 – 09:30 **Лебедева Наталья Борисовна, Рабенко Татьяна Геннадьевна, г. Кемерово (Россия)** ОБЫДЕННОЕ МЕТАЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ С ПОЗИЦИЙ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ)

09:30 – 10:00 **Корнеева Татьяна Александровна, г. Казань (Россия)** БЕСПРИСТАВОЧНЫЕ ИМЕНА НУЛЕВОЙ СУФФИКСАЦИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

10:00 – 10:30 **Десюкевич Ольга Ивановна, г. Минск (Белоруссия)** ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ *ПОВСТАНЕЦ* В БЕЛОРУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

10:30 – 11:00 **Кульпина Валентина Григорьевна, г. Москва (Россия)** ПОЛЬСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СЛОВАРЯХ: ДОМИНАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ МАКРО- И МИКРОСТРУКТУР

11:00 – 11:30 **Соколова Татьяна Сергеевна, Старикова Галина Николаевна, г. Томск (Россия)** *ПОЛДЕНЬ, ПОЛНОЧЬ* В АСПЕКТЕ НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

11:30 – 12:00 **Борисова Елизавета Олеговна, г. Екатеринбург (Россия)** ОБРАЗ ВЫСШЕГО СОСЛОВИЯ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

ПЕРЕРЫВ 12:00 – 12:20

ИТОГОВОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

12:20 – 12:50

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

ПАРАЛЛЕЛИ В ЭПОСАХ НОВОПЕРСИДСКОГО И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВЫХ КОНТИНУУМОВ

Аникин Д. В.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Континуумом принято называть все народы, способные понимать друг друга и говорящие на языке одной семьи¹. На сегодняшний день исследователи говорят о существовании на территории Центральной Азии новоперсидского континуума, распространившегося от Ирана до афгано-пакистанской границы². В истории становления и развития новоперсидского континуума возможно говорить о существовании трех периодов: 1) древнего – функционирование древнеперсидского языка засвидетельствовано в древнеперсидских клинописных памятниках VI–III вв. до н. э.; 2) среднего – функционирование среднеперсидского языка представлено разнообразными письменными памятниками с IV в. до н. э. по VIII–IX вв. н. э.; 3) нового – функционирование новоперсидского языка (классического персидского / персидско-таджикского) и образовавшихся на его базе современных языков – персидского, таджикского и дари³.

Границы восточнославянского языкового континуума, так же как и новоперсидского, диффузны в пространстве и времени. Восточнославянский языковой континуум в настоящее время расположен в Восточной Европе и Северной Азии и по преимуществу соотносим с границами России, Украины и Беларуси, а также стран бывшего СССР и представлен современными языками: русским, украинским, белорусским и русинским.

Освоение пространственно-временного континуума человеком, согласно когнитивной науке, восходящей к феноменологии Эдмунда Гуссерля, происходит в виде когнитивного процесса социальной категоризации окружающего мира. Исторически результатом этого процесса становятся оформленные этнокультурные общности, формирующие, в свою очередь, единое смысловое пространство, необходимое для взаимопонимания и взаимодействия людей в процессе освоения ими пространства и времени. Стержень смыслового пространства составляют этнокультурные ценности.

Этнокультурные ценности на определенном историческом этапе кристаллизуются в модели поведения привилегированной и доминирующей части социума. Поведенческие модели облекаются в форму «историй», поскольку истории передают информацию в запоминающейся форме, которая может привлечь внимание, и устанавливают причинно-следственные связи⁴. Эти истории облекаются в форму эпических поэм и, представляя собою героическое повествование о прошлом, создают целостные гармоничные миры героев-богатырей. Эпические поэмы различных языковых континуумов создают вариативные социокультурные «жизненные» миры – коллективные горизонты, определяемые смысловыми границами человеческих интересов и целеполаганий⁵. Мировой горизонт, согласно Э. Гуссерлю, «каждый раз является в специфических культурных оформлениях. Свое выражение этот культурный или человеческий горизонт находит в языке и языковом содружестве людей, которые документируют открытость и незавершенность горизонта мира»⁶.

Эпосы новоперсидского и восточнославянского языковых континуумов обнаруживают параллели на уровне как сюжетных линий, так и действующих лиц – эпических героев.

Так, обнаруживают заимствование из персидского эпоса, а именно из сказаний о Рустаме, былины о Еруслане Лазаревиче и Илье Муромце. Героев объединяют моральные принципы, набожность и прочие добродетели, имена ряда действующих лиц повествования, а также эпизоды выбора коня, битвы с собственным сыном и пр. Однако и Еруслан, и Илья всё же остаются русскими богатырями, а Рустам – персидским⁷. Это заимствование, с точки зрения поведенческих моделей, объяснимо разделением мира «Шахнаме» на вечно враждующие Иран и Туран, что, очевидно, нашло отклик на Руси, противостоявшей на протяжении длительного времени Степи.

Обнаруживают параллели с персидской традицией и сюжеты произведений древнерусской литературы: «О призвании иноземного правителя» («Призвание варягов» и

«Призвание Зохака»); «О жертве во имя мира» («Сказание о Борисе и Глебе» и «Смерть Агриреса от руки брата») и пр.

¹ Халина Н. В. Соизучение культур и языков стран ШОС: знакомство с топонимией новоперсидского континуума / Н. В. Халина, Д. В. Аникин // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. Научно-методический журнал. – 2018. – Вып. VII. – С. 140–149.

² Там же.

³ Языки мира: Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки. – М.: Индрик, 1997. – 207 с.

⁴ Satyanarayan A. Authoring narrative visualizations with ellipsis / A. Satyanarayan, J. Heer // Computer Graphics Forum. – 2014. – Vol. 33, №. 3. – P. 361.

⁵ Прехтль П. Введение в феноменологию Гуссерля / П. Прехтль. – Томск: Водолей, 1999. – С. 79.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ Самеи М. Сравнительное изучение мифологических героев «Шахнаме» А. Фердуси и произведений древнерусской литературы: дис. ... магистра по специальности «Русский язык и литература» / Марьям Самеи. – Тегеран, 2011. – С. 107.

МАРГИНАЛИИ НА ПОЛЯХ РУКОПИСИ ХРИСТИНОПОЛЬСКИЙ АПОСТОЛ XII ВЕКА

Бакшаева А. А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Среди древнерусских рукописных текстов XII – XIV века рукопись галицко-волинского толкового Христинопольского Апостола XII века (далее АпХр) занимает важное место. Ценность рукописи заключается в последовательном отражении в ней языковых явлений, а также в наличии обширной системы разноплановых комментариев, которые редко становятся предметом изучения специалистов. Маргиналии АпХр лишь вскользь упоминались в каталогах, немного больше внимания им уделяется в ряде современных публикаций.

Целью данного исследования является изучение различных типов записей (глоссы, схолии, катена), которые широко представлены в указанном манускрипте. Основными источниками являются электронная фотокопия львовской части рукописи АпХр, а также киевская часть рукописи, опубликованная С. И. Масловым¹.

В результате исследования записей на полях были выявлены четыре группы маргиналий, сделанные четырьмя почерками. Почерком основного писца выполнены краткие указания к чтению, толкования на полях, заголовки и некоторые дополнения к основному тексту. Исследование записей основного писца подтверждает сделанный в процессе изучения основного текста вывод о высокой степени унифицированности ее графико-орфографической и фонетической систем. Исследование графико-орфографических и фонетических особенностей данных записей показывает, что их язык близок языку основного текста, однако для таких маргиналий характерны некоторые отличия, обусловленные, по большей степени, экстралингвистическими особенностями.

Вторым почерком, близким к почерку основного писца, выполнены более подробные указания к чтению, своего рода, расшифровки к ним. Записи легко отличить по общей небрежности выполнения и чернилам темно-красного цвета. Записи третьего писца более поздние, XVI века. Светлой киноварью писец дополняет указания на чтения предыдущих писцов, чернилами более темного оттенка, нежели чем основной текст, выполнены поновления и некоторые дополнения к основному тексту, обозначенные знаком «+».

Особый интерес представляет текст Апостола рамочной катены, встречающийся лишь в тексте Посланий Апостолов. Он написан мелким изящным полууставным почерком, по разным датировкам XIV или XII века. Данным почерком выполнены выдержки из произведений богословов как комментарии на фрагменты Священного писания. В данной работе даётся графико-орфографический анализ данных записей с целью уточнения их датировки.

АпХр – уникальная рукопись, которая отличается наличием обширной системы комментариев к основному тексту, выполненных в разное время и претерпевших ряд изменений. Вероятно, более детальный анализ маргиналий выявит разнообразные проявления древнерусского языкового узуса.

¹ Маслов С. И. Отрывок Христинопольского апостола, принадлежащий библиотеке Университета св. Владимира / С. И. Маслов. – Изв. ОРЯС. – СПб., 1910. – Т. XV, кн. 4. – С. 229–269.

МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ *КОШАЧЬЕ ЗОЛОТО* И *КОШАЧЬЕ СЕРЕБРО* КАК ПРИМЕР ПРОЦЕССА КУЛЬТУРНОЙ РЕМОТИВАЦИИ ПРИ КАЛЬКИРОВАНИИ¹

Березович Е. Л., Кучко В. С.

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

В русской минералогической лексике со времен становления соответствующей отрасли науки в России (вторая половина XVIII в.) закреплены терминологические сочетания *кошачье золото* и *кошачье серебро*. Они обозначают чаще всего слюду соответственно золотистого или серебристого цвета. Эти сочетания появились в славянских языках, в т. ч. в русском, в результате калькирования немецких слов *Katzengold* и *Katzensilber*. В докладе прослеживается история употребления этих выражений как в русской минералогии, так и в западноевропейских источниках, а также реконструируется их мотивация. Формально она прозрачна, а с содержательной точки зрения перед нами «двойная» метафора, в которой хорошо интерпретируется второй компонент (*золото / серебро*). Для «золотой» составляющей есть несколько мотивационных параллелей, самая близкая из которых (с другим анималистическим компонентом) – название платины, встречающееся в жаргоне горщиков: *лягушечье золото* ‘платина’. Имеется и солидная группа разноразличных наименований с «этническим» компонентом: рус. *французское золото* ‘самое плохое, низкопробное’, *американское золото* ‘томпак: сорт латуни, представляющий собой сплав меди с цинком’, польск. *złoto żydowskie* ‘соединение серы и олова, используемое для покрытия бронзой, «золото» для мозаичных работ’, *chińskie srebro* ‘сплав цинка, меди и никеля (нейзильбер)’ и др.

Менее ясен первый компонент сочетаний, связанный с кошкой.

В докладе подробно восстанавливается мотивация этого компонента в немецком языке, а далее анализируется характер проявления культурной ремотивации, произошедшей с этими сочетаниями на славянской почве, которая заключается в затемнении их оригинальных коннотаций и возникновении нового коннотативного фона после калькирования.

Суть заключается в том, что в немецком языке внутренняя форма термина прозрачна и читается как «ложное золото», поскольку слова «кошка», «кошачий» имеют коннотацию ложного, фальшивого, которая верифицируется во многих идиоматических (в том числе терминологических) сочетаниях, отражена в фольклоре и мифологии (ср., к примеру, *katzenfreundlich* (букв. «по-кошачьи дружелюбный») ‘неискренний’, *Katzenglaube* (букв. «кошачья вера») ‘суеверие’, *Katzenglas* (букв. «кошачье стекло») ‘*lapis specularis*; ненастоящее стекло’). В русском языке семантическая мотивированность минералогического термина не может «симметрично» прочитываться, так как слово *кошачий*, в отличие от немецких данных, не обладает коннотациями ложности (точнее, подобная коннотация есть, но выражена весьма слабо). Соответственно, коннотативный фон термина может пополняться из других ресурсов принимающей лингвокультурной традиции: за счет притяжения к минералогическому термину *кошачий глаз* (с актуализацией признака каменного блеска, подобного блеску кошачьих глаз) и за счет «кошачьей» мифологии горного дела (кошка иногда может трактоваться как животное-проводник при добыче драгоценных камней или животное, олицетворяющее подземные богатства, а также сверхъестественную силу, их охраняющую).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

ОБРАЗ ВЫСШЕГО СОСЛОВИЯ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ¹

Борисова Е. О.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

В польском литературном языке и национальных говорах фиксируется большое количество лексем, демонстрирующих семантическое развитие обобщенного названия представителей аристократии – слова *шляхта*: *szlachcianka* ‘сорт груши’, ‘чесотка’; *szlachciwy* ‘вежливый’; *szlachetny granat* ‘альмандин’ и др. В докладе планируется описать тематические группы дериватов и выявить основные признаки номинации, свидетельствующие, с одной стороны, о стереотипном восприятии аристократии, с другой – о соответствующих объектах действительности.

Обращает на себя внимание, что в польском языке *szlachta* и производные от него лексемы (*szlachetny*, *szlachecki*) являются основным обозначением лиц высшего сословия; факты семантической деривации подтверждают, что именно это словообразовательное гнездо подвергается языковой рефлексии и стереотипизации. В русском языке ситуация выглядит несколько иначе. С точки зрения современного языка наиболее семантически близким словом следовало бы считать *дворянство*, однако его возможные коннотации не приводят к появлению переносных значений. Коннотативную нагрузку, связанную с образом «аристократа», представителя высшего сословия, делят, таким образом, единицы *барин* (*барский*), *благородный*, реже *боярин*, а сходное направление семантического развития демонстрирует *царский*.

«Аристократические» сравнения характерны для атрибутов богатства (*kuna* («куница») *szlachecka*), волог. *барский гриб* ‘белый гриб’, яросл. *царская ягода* ‘белая смородина’; объектов, обладающих более высокими качествами по сравнению с аналогичными – *szlachetna zwierzyna* («шляхетная дичь») ‘полезная, пригодная для использования’; волог. *барынька* ‘что-нибудь особенно вкусное, сладкое’ (*В лавке я работала, барыньки покушала*); «свидетельств особенного происхождения» – *благородные металлы*, *kamienie szlachetne* (кальки с лат.); негативно экспрессивных номинаций и номинаций, возникших в результате табуирования: *szlachcianka* ‘кукушка, поскольку не выращивает своих птенцов’, яросл. *лесной барин* ‘о медведе’.

Интересно также и то, что в русских народных говорах фиксируются заимствования из западноевропейских языков, предположительно родственные польскому *szlachta*, но очевидно являющиеся результатом контаминации на русской почве: ленинг. *шляхта* ‘лодырь’ (*Были и такие, кто не хотел работать, лодыри, шляхты называли их; Шляхта не работает нигде, ни там, ни этам*); ленинг. *шляхаться* ‘бездельничать’ (*Какие у него деньги! Шляхается всё он*); волог. *Шляхта* (*Что негодно, так шляхта зовется*).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 “Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики”.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА КАК МАРКЕР ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХЭРИТАЖНЫХ БИЛИНГВОВ¹

Буб А. С.

Томский государственный университет, г. Томск

Исследование посвящено вопросу манифестации эстетической функции хакасского языка у хэритажных хакасско-русских билингвов. Материалом послужили 33 социолингвистические анкеты и 33 записи интервью, проведенных на базе этих анкет в 2017–2019 гг. В качестве информантов выступили хакасско-русские билингвы в возрасте от 19 до 75 лет.

Сегодня хакасский язык теряет позиции ведущего в ситуациях бытового общения ввиду частичной аттриции первого языка у респондентов всех возрастов, особенно у молодого поколения², доминирующей роли русского языка, имеющего статус официального, а также иммиграции населения из региона исторического проживания. Однако в связи с языковой политикой государства, направленной на поддержку миноритарных языков России, наблюдается укрепление роли хакасского языка как инструмента художественной коммуникации. Это выражается в возрождении хакасского театра, развитии телевидения, централизованном проведении этнических праздников и мероприятий, в которых актуализируется эстетическая функция хакасского языка.

В данном исследовании для определения основных способов реализации эстетической функции хакасского языка проанализированы ответы билингвов на вопросы социолингвистической анкеты о культуре первого языка.

Так, при ответе на вопрос *«На каком языке Вам в детстве рассказывали сказки?»* половина респондентов отметили, что в детстве слушали сказки на хакасском языке, чуть меньше трети сказали, что им рассказывали сказки и на русском, и на хакасском языке, и лишь нескольким людям сказки читали только на русском. Однако на вопросы *«Знаете / Помните ли Вы сказки на хакасском языке? Можете рассказать? Какие?»* почти все респонденты отметили, что знают народные сказки и могут их рассказать. Некоторые информанты даже привели примеры названий и тем сказок, так, например, билингвы знают сказки о горных людях, богатырях и богатыршах, былины. Можно сказать, что устный жанр сказки является ядерным для сохранения и передачи эстетической функции хакасского языка. Традиция рассказывать сказки именно на родном языке сохраняется и передается в хакаских семьях из поколения в поколение.

Кроме того, центром фокусировки языковой эстетической функции также являются обряды. Больше половины респондентов ответили, что проводят свадебные, охотничьи обряды, обряды для путешествий и другие на хакасском языке.

Также для исследования эстетической функции хакасского языка рассматривались те части интервью билингвов, в которых респонденты говорят о хакасской этнической культуре. Следует отметить использование большого количества слов на хакасском языке в рассказах об культуре. Так, респонденты в интервью часто упоминают названия обрядов *Сек-Сек*, праздников *Тун Пайрам*, *Чил Пазы*, сказок *Алтын Арых*, имена былинных героев и др.

Однако при ответе на вопросы *«На каком языке Вы предпочитаете читать? Есть ли у Вас доступ к литературе на родном языке?»* больше половины респондентов ответили, что предпочитают читать на русском языке, несмотря на то что имеют доступ к хакасской литературе. Меньше одной трети опрошенных отдают предпочтение литературе на хакасском языке. Таким образом, можно сделать вывод о том, что основным каналом реализации эстетической функции хакасского языка у билингвов является фольклор, то есть эстетическая функция в большей степени актуализируется в устном общении, тогда как письменный канал отдан русскому языку.

Таким образом, можно сделать вывод, что хакасы высоко ценят наличие художественной литературы на родном языке, а также осознают большую важность возрождения хакасского театра и культуры в целом. Все респонденты указали на чувство принадлежности к своей этнической культуре, которое возникает в связи с возможностью читать книги и смотреть телепередачи на хакасском языке.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанного грантом Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014)

² Артёменко Е. Д. Динамика социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия на территории Южной Сибири /Е. Д. Артёменко, А. С. Буб. – Русин. – 2019. – № 56. – С. 294–311.

ЭРГОНИМЫ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОЦЕССАХ НОМИНАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Вепрева И. Т.

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

Пазно-Влазловская Д.

Институт славистики Польской академии наук, г. Варшава

Актуальность исследования определяется тем, что эргонимы в ономастическом пространстве современного мегаполиса являются динамично развивающейся группой, обладающей, помимо номинативной функции, функцией речевого воздействия на горожанина. Современные урбанонимы – названия коммерческих объектов (кафе, ресторанов, магазинов, салонов красоты, жилых комплексов, фитнес-центров и т. д.) являются результатом нейминга. В его основе лежит креативная речевая деятельность, которая не может быть рассмотрена в отрыве от активных языковых процессов.

Цель исследования – провести сопоставительный анализ польских и русских эргонимов, номинирующих предприятия общественного питания, креативный подход к созданию которых связан с усилением конкуренции в данной сфере, а также с внедрением в современное общественное сознание новой ценностной доминанты гедонистичности, поддерживаемой, в частности, экзистенциальным отношением к питанию, связанным с утверждением наслаждения пищей. Эффект особой привлекательности усиливает семантическую сферу удовольствия.

Сопоставительный подход к эргонимам польского и русского городского пространства связан с выявлением тенденций современной ономастической моды, под которой понимаются меняющиеся во времени стандарты выбора и изобретения имен собственных, интегрирующие массовые вкусовые предпочтения, доминирующие в общем славянском социуме. Перечислим ряд общих и различных тенденций.

Яркой чертой номинаций, апеллирующих к еде, является обращение к ценностно-доминантным единицам *мама* и *дом*, которые выделяют значимость для человека славянского мира домашней еды, превосходящей по вкусу еду общественную. См., например, частотность таких онимов, как русские: *Вкусно как дома; Вкусно, как у мамы; Мама приготовила; Мама дома; Как у мамы*; польские: *Naleśniki Babci; Kuchnia Mamuśki; Domowe Smaki; Domowe obiady u Agaty; Jak u Mamy; U Mamy*. Смысловое содержание эргонимов в этом случае выполняет комплиментарную функцию: содержит прямую лестную оценку заведения.

Общей тенденцией в области номинаций заведений еды является языковая игра, разновидности которой будут показаны в докладе, например: русские бар *In100gram*, кафе *О'Лень; Мадам Повару*; польские *Na-Żarty* (*żarty* – шутки и *nażarty* – тот, который наелся (прост.)); *Bydło i Powidło* и др.

В русском городском пространстве появился новый тип номинаций, который не отмечен в Польше. К ним относятся эргонимы-реплики – номинативные единицы, имитирующие высказывания одного речевого партнера от начала и до высказывания другого. К подобным онимам относятся номинации типа бургерная *А ты где?*; ресторан *Дорогая, я перезвоню*; кафе *Сема, ешь. Мама наготовила*; кафе *Шашлык будешь?*; бар *Мам, я в хлам*. В докладе будет показан воздействующий потенциал данных номинаций.

«РАВНОДУШИЕ» КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ В ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Высочаньски В.

Вроцлавский университет, г. Вроцлав

Эмоции и установки, выделяемые явно в нашей повседневной жизни, концептуализируются в языке. Среди различных видов состояния человека равнодушие фиксируется многообразными средствами. Семантику, отсылающую к проявляемому человеком безразличию, имеют лексемы как польского, так и русского языка, причем в их различных стилистических пластах. Ср: пол. *obojętnieć* ‘становиться равнодушным, нечувствительным, терять интерес к кому-либо или чему-либо’, в ученическом жаргоне *obskakuje* – ‘мне безразлично’; рус. *равнодушичить* устар., разг. ‘проявлять равнодушие’, *заледеневать*, *заледенеть* ‘становиться холодным, бесчувственным, равнодушным’, в молодежном жаргоне *пофигист* – ‘человек безразличный, равнодушный ко всему окружающему’. В то же время в лексической системе выделяется богатый слой фразеологии, отражающий представление о равнодушии, например, пол. *nawet się nie skrzywić* ‘остаться равнодушным по отношению к кому-то., чему-то, не реагировать на присутствие кого-л., чего-л.’, в молодёжном сленге – [coś, ktoś] [komuś] *wisi / zwisa* ‘что-то, кто-то кого-то нисколько не интересует, что-то кому-то равнодушно, кто-то кому-то равнодушен’, рус. *поворачиваться / повернуться спиной / спиной* [к кому, к чему] ‘проявлять безразличие, пренебрежение’, в жаргонной речи – *относиться положительно* [к кому, к чему] ‘о безразличном, равнодушном, наплевательском отношении к кому-л.’.

Основной замысел данного исследования – выявление особенностей языковой картины равнодушия как эмоционального состояния в польской и русской фразеологии (стандартной и нестандартной). Сопоставительный анализ рассматриваемого корпуса устойчивых единиц обнаруживает возможность фразеологического выражения следующих оттенков безразличия: чье-либо безучастие (безразличие, апатия), пребывание в состоянии равнодушия, бесчувствия по отношению к кому-либо и чему-либо, отсутствие интереса к кому-то или чему-то (безразличие, бесчувствие), ср. пол. *obojętne spojrzenia* ‘взгляды, не выражающие интереса’; *bez zaangażowania* ‘равнодушно, без интереса’; *ktoś do kogoś nic nie czuje* ‘кто-то равнодушен по отношению к какому-то человеку, не испытывает к нему симпатии’; рус. *по барабану что кому быть* ‘абсолютно безразлично’; *что в лоб, что по лбу* ‘безразлично’; *ноль внимания* ‘полное равнодушие, безразличие к кому-либо или к чему-либо’.

Представленный материал в освещении так называемой наивной психологии свидетельствует о том, что польская и русская фразеология отражает следующие семантические сферы равнодушия и безразличия: нежелание к поступку, нежелание проявлять активность, отсутствие действия; бесчувствие для кого-то, для чего-то; бесчувствие по отношению к кому-либо, к чему-либо; эмоциональный холод (отсутствие чувств, а также непроявление мыслей, чувств; невыражение себя); аспекты и меру отношения к кому-л., к чему-л. Проведенное исследование выявляет в обоих языках объективацию таких семантических категорий, как индифферентность, бесчувствие и инертность. В контексте образа равнодушия отмечается возможность метафорики для номинации упомянутой эмоции с помощью компонентов-стереотипов: *lód* – лед, *serce* – сердце.

МОВНА ТА ІСТОРИКО-КУЛЬТУРНА СПЕЦИФІКА ЛІРИЧНОГО АНЕКДОТУ ПРО ВІЙНУ В УКРАЇНСЬКОМУ КВАЗІ-ФОЛЬКЛОРІ XX СТОЛІТТЯ (ЗАГАЛЬНОСЛОВ'ЯНСЬКИЙ ТА ЄВРОПЕЙСЬКИЙ КОНТЕКСТ)

Глотов О. Л.

Кременецька обласна гуманітарно-педагогічна академія ім. Т.Шевченка, м. Кременець

Тема війни у слов'янському культурному просторі XX–XXI століть є постійно актуальною. В залежності від загострення соціально-політичної ситуації на перший план виходять різні жанри, від лірики у період військових подій до епічних творів, які підводили підсумки буремних літ.

Від 70-х років XX століття в українському квазі-фольклорі побутує пісня «Фігурка», яку пізніше, за часів незалежної України, виконували деякі андеграунд-групи та виконавці.

Цей текст можна розглядати у контексті як «повстанських пісень» ОУН-УПА (Р. Кирчів, Ю. Ковалів, Р. Гром'як), так і радянських партизанських пісень («Смуглянка», «Шумел сурово Брянский лес»). Однак він відверто позбавлений героїчного пафосу цих творів, продовжуючи європейську традицію десакралізації, профанації, карнавалізації (М. М. Бахтін) явищ суспільного життя, які стають частиною державної міфології.

Наратор розповідає про події початку війни («Як тільки-но війна зачэла», «Як німці в село заходили»), використовуючи стилістично знижену, пародійно діалектну лексику. Комічність оповіді досягається, як і у випадку козачої говірки діда Щукаря у М. Шолохова, вологодського говору Івана Африкановича у В. Белова, вятського діалекту Кирпикова В. Крупіна, навмисним відхиленням від літературної мови – західноукраїнським суржилом. Мовними складовими ефекту кумедності є галицькі діалектизми («Вперід!», «фігурка малонька», «Місько», «Юзько», «хлопи»), полонізми «човг»-танк, «си жучив»-кинувся, «цалкэм»-увесь, «тен»-той, «кулко»-колесо, запозичення з німецької («машингвер»-кулемет) та російської («всьо»-все, «война»-війна) мов.

Сюжет цього ліричного твору можна класифікувати як анекдот (Д. Биков, Н. Белова, А. Буркін), аналогічно роману-анекдоту В. Войновича «Життя і надзвичайні пригоди солдата Івана Чонкіна». Об'єктом пародіювання у пісні є літературні твори, що наполегливо впроваджувалися радянською пропагандою до читацької свідомості як моральні та естетичні цінності: «Хатинська повість» А. Адамовича, «Сотников» В. Бикова, «Це було під Рівним» Д. Медведева, «Від Путивля до Карпат» С. Ковпака. Культурно-історичним тлом для нав'язування контекстних асоціацій можна вважати повість О. Фадєєва «Розгром», «Партизанські повісті» В. Іванова та пісню італійських партизан «Белла чао».

Структурно текст пісні побудований як спогад ветерана Другої світової війни, причому з сюжету зробити висновок про те, на чиєму боці він був, практично неможливо. Комічний ефект виникає здебільшого внаслідок мовної мішанини та абсурдності дій персонажів («в псячій буді сидів», «з шуфльов си жучив на човг», «хтів втікти ровером»).

Подібні тексти не мають історичного продовження, тому що сама тематика вимагає підвищеної стилістичної тональності, однозначності у виборі соціально-політичних орієнтирів.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Гринев С. В.

Московский городской педагогический университет, Москва

Сорокина Э. А.

Московский государственный областной университет, Москва

Актуальность данного исследования определяется сужением функций ряда славянских языков в связи с глобализацией и сопутствующим развитием международных коммуникаций. Наряду с центробежными изменениями, приводящими к расщеплению языков и стремлению вчерашних диалектов к приобретению статуса официальных государственных языков (ситуация с сербохорватским языком), наблюдаются центростремительные изменения, выражающиеся в сужении и ограничении функций ряда языков одновременно с расширением функций немногих основных языков. Последнее наблюдается в Европейском союзе, где функции большинства славянских языков постепенно сужаются, а необходимость выхода на внешние рынки заставляет отказываться от своего языка в пользу наиболее распространенных языков. Это создает угрозу превращения в локальные диалекты для языков малых стран с населением менее 10 млн. жителей, к которым относится большинство славянских стран – Белоруссия (9,5), Словакия (5), Сербия (7), Болгария (7), Македония (2), Хорватия (4), Черногория (0,6), Словения (2) и Босния и Герцеговина (3,5).

С целью если не исключить, то уменьшить угрозу исчезновения соответствующих славянских языков, необходима сознательная языковая политика. Одним из перспективных направлений современной языковой политики родственных языков, является если не конвергентное, то, по крайней мере, содружественное развитие лексики. Это будет способствовать увеличению возможности общения носителей близкородственных языков, что позволит расширить рамки функционирования таких языков. Для достижения такого развития необходимо предпринимать меры по сближению лексических систем родственных языков.

В качестве материала исследования рассматривается лексика славянских языков с повышенным вниманием к региональным интернационализмам и специальной лексике, где возможно регулирование развития национальных словарей.

В докладе разбираются некоторые принципы, которые могут быть положены в основу сознательной языковой политики славянских стран для того, чтобы препятствовать тенденции к исчезновению малых славянских языков. К ним авторами относятся:

- учет существующих условий функционирования языка, в первую очередь естественных факторов развития языка, таких как развитие полисемии, синонимии, преимущественных способов словообразования, креолизации близкородственных языков;
- системность в анализе и принятии решений;
- выработка стратегии и методов содружественного (а по возможности – интеграционного) развития славянских языков, в частности, гармонизации лексических систем славянских языков.

В качестве примеров можно рассматривать согласованную терминологию языкознания, в которой сходство форм позволяет обеспечить единство взаимопонимания и системность терминов, а также разрабатываемый в настоящее время проект общеславянского словаря терминов терминоведения.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЖИТЕЛЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (РУССКО-БЕЛОРУССКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ)¹

Демешкина Т. А., Волошина С. В., Толстова М. А.

Томский государственный университет, г. Томск

В докладе представлен речевой портрет жительницы села Мельниково Шегарского района Томской области Марии Аверьяновны Загребинной, рожденной в Белоруссии в 1937 г. и прожившей большую часть жизни в Сибири.

Материалом исследования выступают устные рассказы информанта, записанные во время диалектологических экспедиций в село Мельниково с марта 2018 г. по март 2020 г. Общая длительность записей составляет около 6 часов.

Использована методика социолингвистического и коммуникативного анализа, включающая в себя несколько этапов портретирования.

1) Биография информанта, жанровая квалификация исследуемого материала.

2) Вербально-семантический уровень: описание ярких фактов разных уровней языковой системы – фонетических, лексических, морфологических, синтаксических особенностей.

3) Тезаурусный (когнитивный уровень): рассмотрение в структуре языковой личности системы знаний о мире, ценностей².

4) Мотивационный (прагматический) уровень: выявление коммуникативных потребностей, реализующихся в мотивах, целях речевой деятельности, описание коммуникативных стратегий, используемых информантом.

М. А. Загребина – билингв: она владеет двумя языками: русским и белорусским, однако в настоящее время говорит только на русском языке, и в ее речи сохраняются черты белорусского языка. Сама она идентифицирует себя в разных коммуникативных ситуациях и как белоруска (*Я же белоруска*), и как сибирячка (*54 года я уже в Сибири живу. Я уже сибирячка настоящая стала*).

Взаимодействие элементов русского и белорусского языков (в разной степени) прослеживается на всех уровнях: наиболее отчетливо проявляется сохранение черт белорусского языка в фонетике (использование твёрдых звуков [ч] и [р], ў (у неслогового) и др.) и в лексике (наибольшую сохранность демонстрирует сфера декоративно-прикладного искусства, моды, сфера речевого этикета). Частотным в речи является топоним «Белоруссия», осмысляемый в связи с такими темами, как «родственники», «культура», «война», «прошлое», «настоящее» «пространство». В речи информанта проявляются черты русских старожильческих говоров.

Материал разнообразен в жанровом отношении, он содержит фрагменты автобиографического рассказа, воспоминания, рассказа о случае, рассказы-пластинки.

Языковой рефлексии на уровне обыденного сознания подвергаются отличия славянских языков (русского, белорусского, украинского) в области фонетики и лексики.

Речевое портретирование дополняется анализом факторов, влияющих на сохранность родного (белорусского) через обращение к сфере артефактов культуры, рассматриваемых как текст.

¹ Результаты исследования были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

² Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд-е 7. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ *ПОВСТАНЕЦ* В БЕЛОРУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Десюкевич О. И.

Минский государственный лингвистический университет, г. Минск

Лингвокультурный типаж (ЛКТ) рассмотрен в русле волгоградской школы аксиологических исследований – как сложное единство понятийного, перцептивно-образного и ценностного компонентов. В реконструированном виде ЛКТ представляет собой модусно-диктумное единство, в котором диктум составляют типичные признаки модельной личности, а модус – типичные ее оценки, причем как собственные, так и оценки его другими представителями данной лингвокультуры.

Общей целью исследования является продолжение изучения лингвокультурных типажей белорусской лингвокультуры, частной – экспликация и сопоставление типажа *повстанец* в представлении поляков и белорусов. В экспликации использован метод профилирования языковых стереотипов Е. Бартминьского. Результатом профилирования является организованная относительно нескольких категориальных признаков (аспектов) совокупность частных признаков (фасет), в целом представляющих образ предмета, явления.

На основе анализа системных данных (прежде всего статей толковых словарей и словарей синонимов) были выделены признаки, которые составляют семантическое ядро ЛКТ, путем анализа текстовых данных – учебных, энциклопедических, художественных, публицистических текстов – был создан портрет модельной личности повстанца как набор признаков, организованных относительно трех уровней: понятийного (‘тот, кто сражается, нападает, защищается’, ‘тот, кто создает тайную организацию’, ‘тот, кто поддерживает единомышленников’ и т.д.; всего 19 признаков); образного, включающего внешний образ, внутренний образ и социальные характеристики; и ценностного. Последний в рамках польской лингвокультуры связан с аксиологемами *ojczyzna*, *wolność*, переживаемыми чрезвычайно интенсивно (*patriotyczny ból*, *fanatyzm wolności*), сливающимися в объединенную идею христианской веры, отчизны и свободы. Модус польского ЛКТ *повстанца* неотделим от особого этического концепта *gloria victis*, преобразующего поражение в победу в свете жертв, ей принесенных. Ценностный уровень белорусского ЛКТ *повстанца*, как и модус, наиболее очевидно обнаруживается в спорах о личности Кастуся Калиновского, осмысливаемого в национальном дискурсе как *асветнік*, *заступнік за веру і незалежнасць*, которым руководила прежде всего жажда *справядлівасці*, в то время как официальный дискурс направлен на его развенчание и создание образа фанатика, террориста.

В сопоставлении польского и белорусского типажей *повстанца* также существенны различия в отношении к типу *партизана*: в польской лингвокультуре они частично синонимизируются, в то время как в белорусской лингвокультуре ЛКТ *повстанца* и *партизана* закрепились за разными модельными личностями.

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМ ПАДЕЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ ШОРСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ¹

Дыбо А. В.

Институт языкознания РАН, г. Москва, Томский государственный университет, г. Томск

Резанова З. И.

Томский государственный университет, г. Томск

Актуальность обращения к проблеме влияния материнских языков на речевые практики русскоязычных билингвов определяется тем, что русский как государственный язык Российской Федерации, оказывая значительное влияние на развитие других функционирующих на ее территории языков, сам испытывает их разнонаправленное воздействие, проявляющееся в речевых практиках билингвов с разными вариантами материнских языков. Значимость же обращения к исследованию русско-тюркского взаимодействия определяется широтой распространения данного типа языкового контактирования в РФ.

В докладе представлены результаты анализа одного из типов интерферентных влияний материнского языка в зоне языкового контактирования – падежного управления в речи шорско-русских билингвов. Исследование проведено на основе материалов лингвистически размеченного корпуса текстов. Конкретным материалом послужили записи 11 направленных интервью с жителями, проведенных в полевых исследованиях в 2017–2019 гг. в Горной Шории (объем звучания – более 12 часов).

В русском и тюркских языках представлена категория падежа, но она характеризуется существенными различиями в формально-семантической структуре, системе оппозиций частных грамматических значений, что в значительной степени предопределяет направленность отклонений от речевого стандарта в русской речи носителей родного шорского языка. Изучаемый тип билингвального взаимодействия – ранний естественный билингвизм с функциональным доминированием второго языка, детерминирующим перемещение родного шорского языка в позицию языка семейного общения, обуславливает незначительную долю отклонения от речевого стандарта рассматриваемого типа в общем объеме речи, сосуществование правильных и смещенных словоупотреблений даже в пространстве одного высказывания.

В докладе представляется характеристика следующих типов сдвигов в использовании падежных форм по характеру семантических позиций во взаимодействующих языках, по степени распространённости:

Вин. пад. → Дат. пад. (*Мы вам не понимаем*);

Вин. пад. → Им. пад. (*Да... это знаю. Все рыбки знаю...*);

Вин. пад. → Род. пад. (*Ну, мультфильм... но я ... мне шибко-то некогда смотреть этого*);

Род. пад. → Вин. пад. (*Многие из-за этого даже во вспомогательную школу отправляли*);

Предл. пад. → Вин. пад. (*Мама говорит конкретно про себя, говорю, и рассказывает именно свои ситуации*);

Твор. Пад. → Им. / Вин. пад. (*Ну, я себя считаю как бы шорец*);

Дат. пад. → Твор. пад. (*С языком учиться надо детям молодым*).

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанного грантом Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

РАСШИРЕННАЯ НОМИНАЦИЯ КАК МОДИФИКАТОР СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ¹

Дымарский М. Я.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург

Присловное распространение, в отличие от детерминации, обычно трактуется как фактор, не оказывающий существенного влияния на свойства простого предложения. Бывает, однако, и иначе. В докладе рассматриваются два таких случая: 1) использование словосочетания типа *годы учебы* в качестве главного члена номинативного предложения; 2) квантификация отторжимого объекта обладания в посессивных предложениях.

1. Номинативные предложения с «событийными», как называет их Г. И. Кустова², именами (*Жара; Была жара*)³ одинаково употребительны в повествовательных текстах как в презентном, так и в претеритальном планах. Однако, если такое одиночное существительное заменяется словосочетанием, построенным по модели «имя отрезка времени во мн. ч. + событийное имя в Р. п.» (*недели жары, дни тревоги, годы учебы, часы отдыха*), в значение предложения включается семантический компонент временной дистанции, отделяющей момент речи от повествуемой ситуации, и употребление предложения в презенсе в значении актуального настоящего блокируется. Можно сказать *У нас большая тревога по поводу предстоящих контрольных*, но исключено **У нас дни большой тревоги*. Аналогично: *У меня сейчас отдых*, но нельзя **У меня сейчас часы отдыха*; [*Нельзя тебе ехать на рыбалку,*] *у тебя учеба!*, но нельзя **...у тебя годы учебы*. Наиболее употребительны такие предложения в претеритальном плане, возможны также в планах будущего, настоящего в прошедшем, будущего в прошедшем и в плане расширенного (неактуального) настоящего.

По справедливому общему мнению, базовой средой функционирования номинативного предложения является план актуального настоящего, что нередко влечет переход в этот план даже в претеритальных контекстах. Для рассматриваемой же разновидности именно эта базовая среда оказывается запретной. Приходится сделать вывод, что бывают такие номинативные предложения, которые неспособны употребляться в плане актуального настоящего.

2. Стандартная реализация предложений обладания с Посессором-субъектным детерминантом предполагает наличие ненулевой формы экзистенциального глагола (сказуемого): *У меня есть время на раздумья*. Замена глагола нулем выглядит неприемлемо: **У меня время на раздумья*. Однако квантификация отторжимого объекта обладания (располагания), то есть распространение его словом с количественным значением, меняет оценку приемлемости нулевой реализации глагола на положительную: *У меня много (мало) времени на раздумья; У меня есть грузовик – *У меня грузовик – У меня есть два грузовика – У меня два грузовика*.

Названные явления допустимо интерпретировать в терминах взаимодействия семантических категорий в рамках высказывания, более широко – в терминах взаимодействия системы и среды.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка».

² Кустова Г. И. Синтаксис современного русского языка: Курс лекций / Г. И. Кустова. – М., 2013. – С. 88.

³ Подробнее см.: Дымарский М. Я. Еще раз о связке в номинативном предложении / М. Я. Дымарский // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология (в печати.)

**ПОЛІЛІНГВАЛЬНАСЦЬ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА
І ЯЕ АДЛЮСТРАВАННЕ ЁЎ ЛІТАРАТУРНАЙ ТВОРЧАСЦІ
Жаўняровіч П. П.**

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск

Даследаванне полілінгвальнасці як якасці асобы асабліва эфектыўна праводзіць на прыкладзе шматмоўных пісьменнікаў, якія пакінулі адметны след у гісторыі нацыянальных літаратур, у прыватнасці беларускага пісьменніка У. Караткевіча (1930–1984).

Падставы ўзнікнення полілінгвальнасці. У працэсе вывучэння некалькіх моў фарміруецца адзіная камукатывная кампетэнцыя, якая абагульняе ўвесь лінгвістычны і культурны досвед асобы. Асаблівасць полілінгвальнасці У. Караткевіча – яе трансфармацыя з руска-беларускай білінгвальнасці, якая прадвызначалася моўнай сітуацыяй у сям’і і ў соцыуме. Вучоба ў Кіеўскім універсітэце і праца настаўнікам ва ўкраінскай школе дазволілі ўсвядоміць найтанчэйшыя нюансы украінскай мовы. Жаданне напісаць кандыдацкую дысертцыю па адлюстраванні паўстання 1863–1864 гг. ва ўсходнеславянскіх і ў польскай літаратурах выклікалі неабходнасць ведання польскай мовы. Такім чынам У. Караткевіч стаўся славянскай полілінгвальнай асобай з веданнем чатырох моў: беларускай, рускай, украінскай і польскай.

Білінгвізм літаратурнай творчасці. У 1951 г. аршанская раённая газета друкуе два вершы У. Караткевіча – на рускай і беларускай мовах. У час вучобы ва ўніверсітэце ён піша аповяданні і вершы на рускай мове і задумваецца над мовай для далейшых твораў (робіць выбар на карысць беларускай). Пазней рускамоўныя творы У. Караткевіч пісаў па неабходнасці: сцэнарыі мастацкіх і дакументальных фільмаў і вершы маскоўскага перыяду канца 1950-х – пачатку 1960-х гг.

Інтэрферэнцыйныя з’явы. У сучасных навуковых даследаваннях пастуліруецца ўзнікненне полілінгвальнага літаратурнага дыскурсу, выкліканага працэсамі глабалізацыі (А. А. Хромава). Аднак такі дыкурс (з увядзеннем у тэкст фрагментаў на іншых мовах) існаваў у літаратурнай традыцыі папярэдніх эпох. Што да У. Караткевіча, то яго полілінгвальнасць выявілася ў беларускамоўных творах. У ранні перыяд творчасці найбольш часта сустракаюцца ўкраінізмы: *нагадаваць* – укр. *нагадувати*, бел. *накарміць*; *адверты* – укр. *відвертий*, бел. *адкрыты*, *шчыры*; *ніж заўжды* – укр. *ніж завше*, бел. *чым заўжды* і інш. Плынь русізмаў была выклікана найперш пераробкай рускамоўных твораў на беларускамоўныя. У прыватнасці, на падставе рускамоўнага кінасцэнарыя напісаны раманы «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні», у якім знаходзім: *самамнення* – рус. *самоmnения*, бел. *самаўзвышэння*; *мышатамі* – рус. *мышатами*, бел. *мышанятамі*; *больш паловы* – рус. *больше половины*, бел. *больш за палову* і інш. Паланізмы сустракаюцца пераважна ў творах на гістарычную тэму: *рапараваць* – пол. *reparować*, бел. *рамантаваць*; *зэмбы* – пол. *zęby* – бел. *зубы*, *лямус* – пол. *latus*, бел. – *свіран* і інш.

Далейшая распрацоўка тэмы полілінгвальнасці У. Караткевіча дазволіць выявіць асноўныя лексічныя пласты іншаславянскіх запазычанняў і прамое цытаванне рускіх, украінскіх і польскіх твораў у беларускіх тэкстах.

ОКСЮМОРОН КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РУСИНСКОГО БУДИТЕЛЯ А. ДУХНОВИЧА

Зеленко С. В.

Белорусский государственный университет, г. Минск

Оксюморон как стилистическая фигура является довольно распространенным литературным приемом создания автором произведения определенного смыслопорождающего эффекта, основанного на сочетании в одном речевом отрезке антонимических конструкций, которые в своей целокупности противопоставляются по формальным либо содержательно-смысловым признакам. «Остроумная глупость» оксюморона позволяет автору литературного произведения заострять читательское внимание на эксплицитном или имплицитном противоречии, генетически присущем данной стилистической фигуре, скрывать или акцентировать смысловые нюансы писательского замысла.

Несмотря на свою распространенность в качестве продуктивной модели наименования крупных прозаических литературных произведений («Живой труп» Л. Толстого, «Без вины виноватые» А. Островского, «Горячий снег» Ю. Бондарева, «Невыносимая легкость бытия» М. Кундеры, «Пролетая над гнездом кукушки» К. Кизи) и структурно-семантического элемента главным образом произведений лирических, стихотворных, оксюморон является исключительно сложной в плане конструирования и массового использования в рамках одного произведения стилистической фигурой. Об этом свидетельствует незначительное количество лирических произведений в истории мировой литературы, полностью структурно построенных на использовании оксюморона.

Русинский будитель, просветитель и писатель Александр Духнович оставил богатейшее творческое наследие, среди которого особо выделяется гражданская лирика. Одно из стихотворений А. Духновича с ярко выраженным социальным пафосом – «О придворной жизни»¹ – полностью построено на использовании оксюморона как структурного и смыслового элемента. Так, лирический герой А. Духновича, в котором угадывается и сам автор, и весь русинский народ, при помощи оксюморона описывает противоречивость и трагизм историко-культурной ситуации², в которой вынужден пребывать: «Горкую сладость вкусил», «Злое добро искусил», «Много мудрых-дурных видѣл», «Єсть повинен горким сластям», «Любимцам послѣдовати // Должен, хоть их нелюбит». Приведенные примеры демонстрируют, насколько точно оксюморон как стилистическое средство способен передавать идейно-смысловое содержание эксплицитных авторских интенций, прямое выражение которых невозможно в силу социальных обстоятельств.

Таким образом, выбор антонимических конструкций, используемых определенным автором для создания оксюморона, можно рассматривать в разрезе социокультурной детерминации языковой личности писателя. Противопоставляемые по смыслу языковые средства служат в литературном произведении кодом, расшифровка которого становится задачей читателя, вынужденного искать заложенные автором скрытые значения в оксюморе и отвечать на вопрос, какие внутренние и внешние причины побудили писателя в каждом конкретном случае прибегнуть не к прямому наименованию, а к завуалированному.

¹ Духнович А. О придворной жизни / А. О. Духнович // Тихій Ф. Поезії Александра Духновича. – Ужгород: УНІО, 1922. – С. 32–35.

² Суляк С. Русины в истории: прошлое и настоящее / С. Суляк // Русин. – 2007. – № 4 (10). – С. 29–56.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ТЕКСТАХ БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРАВОСЛАВНЫХ И КАТОЛИЧЕСКИХ САЙТОВ ЗНАКОМСТВ)¹

Ицкович Т. В.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Пазио-Влазловская Д.

Институт славистики Польской академии наук, г. Варшава

Изучение способов вербализации ценностей в языке является сегодня одним из актуальных направлений лингвистических исследований (Н. А. Купина, Т. В. Матвеева и др.). Ценностные установки человека особенно активно проявляются в личной, семейной сфере (И. Т. Вепрева). Семейные ценности, декларируемые как духовная константа, скрепляющая современное общество, опираются на религиозные принципы.

В христианстве семья понимается как малая церковь, где муж служит посредником между Богом и остальными домочадцами, жена и дети в духовной иерархии занимают подчиненное положение. Христианские установки, касающиеся семьи, закреплены в прототексте Священного Писания, их можно считать аксиологическим идеалом. Тексты брачных объявлений, размещенные на православных и католических сайтах знакомств, отражают аксиологическую реальность, под которой понимается интериоризированная система ценностных ориентаций человека, на которую он ориентируется в актуальной сфере жизнедеятельности – создании семьи. Пространство сети интернет, отличающееся свободой высказываний, в совокупности с реализацией базовой потребности человека, заключающейся в создании семьи, приводит к экспликации в текстах объявлений о знакомстве реальных ценностных представлений о семье.

Материалом исследования являются тексты брачных объявлений, размещенные на православных и католических сайтах знакомств.

Целью настоящего исследования является выявление семейных ценностей в текстах брачных объявлений. Тексты брачных объявлений отражают аксиологическую реальность: указывая желаемые черты партнера и/или самоидентифицируясь, авторы текстов эксплицируют сформированные ценностные установки, отражающие их представление об идеальном спутнике жизни.

В текстах православных брачных объявлений представлено отражение аксиологической реальности семейных отношений, которая основывается на аксиологическом идеале: вера в Бога, порядочность, целомудрие, невинность, доброта, отсутствие меркантильных интересов остаются приоритетами авторов. Сохраняются сформированные в советском обществе представления о ценности разностороннего развития человека. Прагматически обусловленные требования к месту жительства и национальности свидетельствуют, скорее, о необходимости учитывать культурно-экономические особенности России: большая территория и многообразие национальностей.

Анализ католических брачных объявлений также позволяет предположить, что участников коммуникативной ситуации объединяет вера и учение католической Церкви, их цель – создание прочной семьи не только для того, чтобы выполнить Божье призвание, но также чтобы спасти себя и своего супруга. Адресанты рисуют образ идеальной семьи, в которой супруги поддерживают друг друга. Идиллия для них – это обещание прекрасного светлого будущего, семейного счастья, реализации надежд и мечтаний. В объявлениях проявляются гендерные стереотипы, что находит свое подтверждение в характеристике адресата: адресанты не уделяют много внимания внешнему виду, существенное значение имеет для них внутренняя характеристика, прежде всего приверженность к католической вере, которая тесно ассоциируется с патриотизмом.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

БЕСПРИСТАВОЧНЫЕ ИМЕНА НУЛЕВОЙ СУФФИКСАЦИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Корнеева Т. А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Исследование посвящено изучению этимологических особенностей имён нулевой суффиксации, мотивированных в современных славянских языках бесприставочными глаголами. Актуальность работы обусловлена изучением нулевой суффиксации как одной из типологических универсалий славянских языков. Новизна исследования определяется уточнением ряда положений исторического словообразования о предпосылках возникновения феномена нулевых экспонентов в именах со значением действия. Цель исследования — выявить этимологические особенности бесприставочных имен нулевой суффиксации в славянских языках, определить черты сходства и различия в формировании данной группы слов в родственных языках. В качестве материала исследования использованы данные этимологического словаря русского языка М. Фасмера, частных этимологических словарей славянских языков. За основу были взяты около 100 именных образований нулевой суффиксации, мотивированных в современном русском языке бесприставочными глаголами, и сопоставлены с аналогичными образованиями в других славянских языках.

В результате исследования выдвинута гипотеза о пяти основных группах бесприставочных образований нулевой суффиксации в славянских языках: 1) имена, имеющие общий индоевропейский корень с глаголами (русское, болгарское *ход*, сербохорватское *xôd*, словенское *hòd*, чешское, словацкое *chod*, польское *chód*, верхнелужицкое *khód*, нижнелужицкое *chód*); 2) имена, этимологически не связанные с глаголом, но впоследствии переосмысленные в качестве девербативов (русское *вера*, украинское *víra*, болгарское *вя́ра*, сербохорватское *vjèra*, словенское *véra*, чешское *víra*, польское *wiara*, верхнелужицкое и нижнелужицкое *wjera*); 3) имена, этимологически производные, включающие в свою структуру суффиксальные или префиксальные морфемы (русское, украинское, белорусское *сон*, болгарское *сън*, сербохорватское *са̑н*, словенское *sàp*, чешское, словацкое, польское *sen*, верхнелужицкое *són*, нижнелужицкое *soń*); 4) имена – этимологические заимствования (русское, украинское *ремонт*, белорусское *рамонт*, болгарское *ремонти*; русское, украинское *дебют*, белорусское *дэбют*); 5) существительные, образованные непосредственно от глаголов («бессуффиксальные девербативы»: русское *бег*, украинское *біг*, словенское *bêg*, чешское *běh*, польское *bieg*, верхнелужицкое *běh*, нижнелужицкое *běg*.). Отмечается этимологически «не нулевой» характер подобных образований в русском языке и других славянских языках.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕРНОГОРИИ

Королькова П. В.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Процесс стандартизации черногорского идиома начался совсем недавно, после того как Черногория выделилась в 2006 г. из состава «малой Югославии» (государственного союза Сербии и Черногории). В Конституции 2007 г. черногорский язык впервые в истории был закреплён в качестве государственного. Таким образом, на первое место вышли такие его функции, как интеграционная и этноизолирующая. Положение, на первый взгляд, напоминает ситуацию с кодификацией хорватского и бошняцкого языков, однако имеются существенные отличия. Хотя расхождения между сербским, хорватским, бошняцким и черногорским существуют в настоящее время на всех уровнях (акцентном, фонетико-фонематическом, грамматическом, лексическом, стилистическом), а попытки ослабить эти расхождения на протяжении XX в. не привели к существенным результатам, тем не менее, эти полностью взаимопонятные идиомы представляют собой один полицентричный (плюрицентричный) язык с диалектной новоштокавской основой.

В то же время (в отличие от хорватского и бошняцкого) литературный стандарт в Черногории до конца так и не установлен. Непоследовательные реформы, большинство которых остается на бумаге, наталкиваются на сопротивление со стороны самих граждан Черногории, которые воспринимают их исключительно как инструмент политических манипуляций. Следствием вышеперечисленных факторов становится путаница как в терминологии (какое название должен носить язык черногорцев?), так и в вопросах, касающихся непосредственно самого языка, а также ощущение языковой угрозы, многочисленные трудности в преподавании родного языка в школах и вузах и т.д. Нет согласия и среди черногорских лингвистов, и на протяжении последних полутора десятка лет все эти проблемы лишь усугубляются, создавая поле для дискриминации.

Ситуация осложняется тем, что, в отличие от носителей хорватского и бошняцкого идиомов, носители черногорских диалектов часто идентифицируют себя как носителей сербского языка. Если хорват или бошняк никогда не назовет свой язык сербским (в старшем поколении возможен лишь вариант «сербскохорватский» или «хорваткосербский», впрочем, весьма нечасто), то в Черногории распространены комбинации «серб – сербский язык», «черногорец – сербский язык», «черногорец – черногорский язык», «хорват – хорватский язык», реже: «серб / черногорец – сербскохорватский язык».

Таким образом, вопрос о стандартизации, кодификации и популяризации черногорского языка стал не просто одним из главных вопросов в новом государстве; признание или непризнание черногорского языка в качестве самостоятельного и для носителей, и для ученых-лингвистов стало вопросом политической воли. В целом же можно утверждать, что на протяжении всего XX в. вопрос о признании хорватского, а с недавнего времени бошняцкого и черногорского языков в качестве самостоятельных носил исключительно внеязыковой социально-политический характер. Таким этот вопрос остается и сегодня.

ПОЛЬСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СЛОВАРЯХ: ДОМИНАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ МАКРО- И МИКРОСТРУКТУР

Кульпина В. Г.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

Рассматриваются одноязычные фразеологические словари польского языка и двуязычные польско-русские и русско-польские словари с точки зрения специфических особенностей презентации и охвата фразеологического материала. Затрагиваются проблемы критериев включения языковых единиц в состав фразеологического фонда.

Указывается на различия в подходе авторов и редакторов словарей к описанию фразеологического материала и выделению фразеологических единиц. Подчеркивается полезность каждого фразеологического словаря с точки зрения фиксации еще не отмеченных ранее фразеологических единиц и способов подачи фразеологизмов, которые значительно отличаются от словаря к словарю. Различия в составе словаря и способах подачи материала в немалой степени зависят от взглядов авторов и редакторов словарей на фразеологию и выработанных установок.

Различия между фразеологическими словарями проецируются в их своего рода несопоставимость и взаимодополняемость как следствие специфики их макроструктуры, сетки и микроструктур словарных статей. Так, в ряде словарей фразеология понимается чрезвычайно широко – как во «Фразеологическом словаре польского языка» Ст. Скорупки, что декларируется им в обширной вводной части. Сетка словарных статей отличается от словаря к словарю количественными параметрами, принципами выделения опорных слов и содержит, наряду с какой-то общей частью фразеологизмов (описываемых в разных лексикографических ключах), также и типологически иной фразеологический материал.

Ряд словарей навсегда ассоциируется с их авторами как столпами современной польской фразеологии, как, например, «Фразеологический словарь польского языка» Ст. Скорупки. Нашумевшим словарем, продемонстрировавшим разнообразие современного фразеологического материала, явился словарь А. Богуславского и Я. Вавжинчика «Польский язык, каким мы его знаем. Новое словарное зондирование».

Появилась плеяда фразеологических словарей, фиксирующих коллективный лексикографический общественный продукт, в том числе грандиозный «Большой фразеологический словарь PWN с пословицами» А. Клосиньской, Э. Соболь, А. Станкевич, «Настольный фразеологический словарь польского языка» С. Бомбы, Г. Дзямской и Я. Либерека.

Из двуязычных словарей фундаментальным характером отличаются двухтомный «Польско-русский фразеологический словарь» К.А. Гюлумянц, «Большой фразеологический польско-русский русско-польский словарь» под редакцией Ю. Люкшина. Оригинальностью подхода к выделению фразеологических единиц обращает на себя внимание словарь «Польско-русские идиомы» В. Хлебды, А. Голубевой, Я. Вавжинчика, Т. Вельга. Появляются все новые оригинальнейшие продукты современной фразеологии, устремленные в будущее уже в силу своего строения по принципу гармошки с раздвигающимися мехами, способными впустить в словарь очередную партию фразеоматериала, обогатившись новыми тематическими рубриками. Это, например, «Настольный польско-русский идиоматикон» под редакцией В. Хлебды.

ОБЫДЕННОЕ МЕТАЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ С ПОЗИЦИЙ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ)

Лебедева Н. Б., Рабенко Т. Г.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Исследование включается в этнолингвистическую проблематику в аспекте ее изучения обыденного языкового и метаязыкового сознания. Представляются результаты экспериментального исследования бионимов «заяц» и «муха» с целью выявления их обыденной семантики в различных в типологическом и генетическом отношении языках (русском, сербском, французском, китайском, казахском).

Данные экспериментов выявляют как универсальные, представленные в языковом сознании носителей различных языков характеристики бионимов, так и идиоэтнические, обусловленные национальной картиной мира, идиоэтническим обыденным языковым сознанием, культурно-историческими и лингвистическими традициями. В интерпретации результатов исследования допускается и фактор случайности в тех ситуациях, когда не может быть подобрано рациональное объяснение, поскольку, во-первых, в принципе в языке не всё детерминировано, и, как минимум, примеры асистемности свидетельствуют в пользу этого тезиса, во-вторых, многие факторы теряются, затемняются, оставляя место для гипотез, иногда не единственных, о чем свидетельствует, к примеру, наличие разных гипотез в этимологии.

Обозначим результаты исследования.

Ассоциативный портрет бионима «заяц», представленный в речи разноязычных информантов, обнаруживает универсальные характеристики животного, расцениваемого как олицетворение трусости, прыткости, плодоносящей силы (плодовитость зайца), и национально-специфические свойства, в аспекте восприятия которых заяц предстает как олицетворение наивности (китайцы); как магическое животное, лапа которого способна, по поверьям, приносить удачу (сербь); как животное, имеющее прикладное значение (французы) или ассоциирующееся (на основе метафорического переноса) с безбилетным пассажиром (русские).

Довольно однородная картина вырисовывается в отношении бионима «муха». Обнаружено последовательно негативное отношение к этому образу во всех вовлеченных в исследование языках. Сходясь в оценке мухи как насекомого, вредоносного для человека ввиду ее назойливости, свойства обитать в местах, связанных с нахождением грязи и нечистот, способности распространять болезни, носители разных языков видят в мухе насекомое, обладающее свойством многочисленности (казахи) или ассоциирующееся с иным, небиионимическим значением слова («ложная родинка» у французов).

Предложенный анализ обыденной семантики двух слов – заяц и муха – представляет два разных типа рефлексий. Первый тип, представленный рефлексиями на слово «заяц», являет собой довольно пестрый набор реакций, второй – рефлексии на слово «муха» – обнаруживает более однородный набор реакций, особенно в плане модальности – преимущественно негативные оценки респондентов. Вывод, который вытекает из этих наблюдений, заключается в следующем: если денотат бионима имеет относительно нейтральную оценку (заяц), то он дает больший разброс для рефлексий, если же денотат характеризуется более однозначно, то и оценка его в разных языках имеет более однородный в аксиологическом отношении характер.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК)

Мещерякова О. А.

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург

В современной лингвистике исследования, посвященные фольклорному и религиозному дискурсу, достаточно частотны, а потому сами разновидности данных дискурсов можно считать «признанными». Однако существуют тексты, содержание и структура которых свидетельствует о возможности дискурсивного взаимодействия. К их числу относятся русские и польские народные загадки.

Функция этого жанра – развлекая, находить аналогию между несхожими явлениями, что предопределяет возможность использования в загадке религиозной лексики. Это обуславливает взаимодействие фольклорного и религиозного дискурсов.

Цель данного исследования – посредством анализа текста русской и польской народной загадки выявить особенности лексического и семантического включения элементов религиозного дискурса в фольклорный.

Материал исследования – тексты русских и польских загадок, выбранных из соответствующих сборников.

Актуальность данного исследования определяется лингвокультурологическим аспектом изучения дискурса.

В докладе дается описание структурных компонентов русской и польской загадки, отсылающих к религиозному знанию народа, например, к библейским и агиографическим сюжетам о происхождении человека, грехопадении, а также о пророках, святых и т.п.

Устанавливается, что загадкам и одного, и другого народа свойственно использование в качестве структурных элементов лексем религиозной тематики. *Родивыйся не умре, Неродивыйся умре, Умерший не истле (Енох, Адам, жена Лота). Kto nigdy się nie rodził, a umarł? (Adam)*. В загадках двух народов используется лексема *бог* – *Bóg*. Употребление прецедентных имен совпадает частично (*Адам* – *Adam*; *Ева* – *Ewa*). Выявляются наиболее востребованные у каждого народа имена собственные и нарицательные. Так, в польской загадке отмечается обращение к героине агиографической легенды, широко распространенной в Средние века в западноевропейских странах – святой Урсуле: *Święta Urszula perły rozsula, Miesiąc wiedział, nie powiedział, Słońce wstało, pozbierało (Rosa)*.

Анализ загадок показывает, что взаимодействие фольклорного и религиозного дискурса, с одной стороны, актуализирует аксиологическую семантику: *Которой город всем городам отец? (Иерусалим)*; с другой – ведет к трансформации религиозных образов, обусловленной влиянием народной смеховой культуры: *Когда Иисус Христос на одной ноге стоял? (Когда на осла садился)*; *W kościele było: coś i nic. Coś wylazło drzwiami, nic oknem. Co zostało? (i)*.

Таким образом, загадка на религиозную тему, демонстрируя связь фольклорного и религиозного дискурса, предстает народно-поэтическим феноменом, формирование которого протекает в рамках более глобального явления, чем какой-либо отдельный дискурсивный тип, а именно в рамках народной культуры.

АССОЦИАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РУССКИХ СЛОВ-СТИМУЛОВ У ТУВИНСКИХ БИЛИНГВОВ

Натпит А. А.

Тувинский государственный университет, г. Кызыл

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в республике наблюдается процесс интеграции русских слов в устную речь тувинцев, и это характерно для всех возрастных категорий населения. Несмотря на то, что русско-тувинские языковые связи ограничены временными рамками не более века (М. В. Бавуу-Сюрюн, М. В. Ондар), регулярный контакт с русским языком приводит к изменениям тувинского языка. Многие русские слова, такие как *морковь, кастрюля, ферма, стол, шкаф, рентген, сметана*, уже не считаются диалектизмами, так как они все вошли в литературный язык и в устную речь тувинцев. В докладе рассматривается проблема формирования двуязычия, которая в свою очередь является сложным и многогранным процессом. В связи с этим целью данного исследования является проведение ассоциативного эксперимента для выявления следующих вопросов: совпадает ли ассоциативное содержание русских слов-стимулов у монолингвов и билингвов (независимо от языка, на котором приводились слова)? На каком языке билингвы преимущественно реагируют на русскоязычные слова-стимулы?

В качестве материала для исследования выступают интервью с 10 носителями тувинского языка, средний возраст которых – 33 года. Среди опрошенных у 3 респондентов образование высшее, у 6 – незаконченное высшее, у 1 – среднее специальное. Из них 2 респондентов – мужчины. Для выявления наиболее употребляемых русских слов были каждому респонденту заданы следующие вопросы: сначала опрашиваемые должны были назвать полные ФИО, пол, возраст, образование. Для того чтобы выявить часто встречаемые русские слова в ответах у опрашиваемых, всем были заданы вопросы о том, во сколько они встают, что делают, что едят на завтрак, на чем добираются до работы / учебы и т.д. Респонденты должны были подробно рассказать об их обычном дне, а также описать комнату / квартиру / дом. Отвечая на вопросы про свой обычный день, про учебу, работу, дом, респонденты, не задумываясь, используют русские слова. Например, при описании своего дома или квартиры, каждый из них употреблял следующие слова: *стол, шкаф, тумбочка, телевизор, диван*. Только вместо слова *кровать* было употреблено тувинское слово *орун*.

Для следующего этапа исследования были выбраны 10 русских слов, которые наиболее часто встречались в устной речи опрошенных: *школа, садик, гараж, машина, печка, газель, шкаф, кухня, общежитие, огород*. Далее был проведен ассоциативный эксперимент с данными словами в качестве слов-стимулов. Информантами выступили 10 русских монолингвов и 10 тувинских билингвов.

Для первого слова-стимула *школа* тувинские информанты в основном давали тувинские слова-реакции (11), а реакции на русском языке – 8, причем это слова, некоторые из которых уже давно воспринимаются как родные: *тетрадь, садик, друзья, учеба, класс, ручка, интернат, администрация*. Совпадений по лексическим значениям обнаружено 3: *ооренир* (1) – *учиться* (1), *башкы* (2) – *учитель* (2), *ооредилге* (1) – *учеба* (1). Всего 2 из всех реакций полностью совпадают на русском языке: *учитель* (1), *учеба* (1).

Для слова-стимула *садик* реакции разделились поровну на тувинском (13) и на русском (11). Совпадения по лексическим значениям: *аьш-чем* (1) – *еда* (1), *уйгу* (1) – *сон* (1), *бичии уруглар* (3) – *дети* (4), *опеялар* (1) – *малыши* (1). Полных совпадений выявилось всего 1: *дети* (1) – *дети* (4).

Отличия в реакциях также отмечаются в ответах по некоторым словам-стимулам. Например, к слову-стимулу *печка* у тувинских информантов преобладают слова с отрицательной коннотацией, такие как *сажа, хул (зола), изиг (горячая)*, в то время как у русских информантов – положительные: *теплая, хлеб, уют вкусно*. Также у тувинских информантов наблюдаются синтагматические ассоциации – *топить, кылдынар (делать), паитаныыр (готовить еду)*. У слова-стимула *газель* как у русских монолингвов, так и у

тувинских билингвов слова-реакции имеют отрицательную коннотацию: *много людей, долу (полный), некомфортно, животное, выхлопные газы, неудобная*.

В результате исследования было обнаружено, что тувинские информанты в основном дают реакции на своем родном языке. Также были такие информанты, которые давали реакции полностью на русском языке. После сравнения ответов-реакций у тувинских и русских информантов было обнаружено, что к каждому слову-стимулу всегда наблюдается от 2 до 5 ответных реакций, полностью совпадающих по лексическому значению, но на разных языках. Полные совпадения реакций на русском языке обнаружены только у 5 слов-стимулов: *шкаф, общежитие, огород, школа, садик*. Полные совпадения встречаются редко, ранжируются от 1 до 2. Таким образом, ассоциативное содержание русских слов-стимулов у монолингвов и билингвов совпадает частично. Тувинские билингвы преимущественно реагируют на русскоязычные слова-стимулы на своем родном языке.

РУССКИЙ И ШОРСКИЙ ЯЗЫКИ В ДИСКУРСАХ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ И ЭТНОЯЗЫКОВОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ШОРЦЕВ¹

Резанова З. И.

Томский государственный университет, г. Томск

В докладе представлен анализ дискурсов этноязыкового самоопределения современных шорцев, представителей этнической группы тюркской языковой семьи, компактно проживающих в Горной Шории на юге Западной Сибири.

Материалом для анализа послужили записи 24 направленных интервью, проведенных на основе социолингвистической анкеты и анкеты языкового опыта, а также свободных бесед с информантами во время экспедиций в Горную Шорию в 2017–2019 гг. В качестве информантов выступили шорско-русские билингвы от 32 лет до 81 года. Уровень образования наших собеседников разных возрастов варьируется от начального до высшего, в том числе филологического со специализацией в области шорского языка и литературы.

Данные интервью позволили выявить систему оценок современными шорцами функциональности русского и шорского языков с 30-х годов XX в. по настоящее время.

Языковая ситуация в регионе характеризуется как несбалансированная с абсолютным доминированием русского языка во всех сферах жизни. В рассуждениях респондентов рефлексировались результаты разнонаправленной языковой политики СССР и РФ, реализованной в данном регионе: создание шорской письменности в качестве условия для расширения социальных функций шорского языка, утрата шорским языком статуса регионального языка и последовавшее за этим исключение его из системы школьного преподавания, не позволившее реализовать возможную функциональность, которая обеспечивалась письменной формой языка, практически полное ее замещение русским языком.

Современные шорцы характеризуют себя как билингвов, при этом то, как они оценивают речевые практики членов семей нескольких поколений, позволяет восстановить смену системы коммуникации от шорской монолингвальной коммуникации к шорско-русскому раннему естественному билингвизму и далее – к современному русско-шорскому учебному билингвизму, при котором русский язык является материнским, а шорский язык – вторым, изучаемым на факультативных школьных курсах или в центрах культуры. Информанты свидетельствуют о функциональном смещении шорского языка в сферу семейного общения, в пространстве которого также прослеживаются деструктивные тенденции: ограничение общения прежде всего по линии восходящего родства – в коммуникации с дедушками и бабушками – и далее его замещение русским языком в семейном общении с детьми. Вследствие этого материнским языком современных шорцев, рожденных в 70–80 гг. XX в. и позже, становится русский язык, выполняющий наряду с другими функциями, характеризующими государственный язык, и функцию этнокультурной идентификации его носителя. Однако шорский язык оценивается современными шорцами как родной, и этот статус определяется выдвижением в качестве базовой функции маркера этнической идентичности. Выдвижение этой функции, в свою очередь, опирается на актуализацию эстетической функции, реализуемой прежде всего в современных центрах шорской культуры.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанного грантом Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

АВТОРСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ КОД И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЛИРИКИ НА РОДСТВЕННЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Рыбальченко Т.Л.

Томский государственный университет, г. Томск

Актуальность исследования связана с новой практикой перевода поэтического текста: доступность компьютерного перевода, заменяющего подстрочный перевод, выполненный владеющим языком оригинала переводчиком, и доступность публикации поэтического перевода в электронной форме. Остро встаёт вопрос о качестве воспроизведения смыслов и о художественной адекватности поэтического текста.

Цель сопоставления ряда переводов одного стихотворения с оригиналом и между собой заключается в определении герменевтической основы интерпретации переводчиками не только вербальной, но и образной структуры произведения, написанного на родственном языке.

В качестве материала берутся 14 переводов на русский язык стихотворения Чеслова Милоша 1945 года «Бедный христианин смотрит на гетто» (на польском языке – *Biedny chrześcijanin patrzy na getto*) из цикла «Голоса бедных людей».

В докладе даётся социокультурный анализ опыта переводчиков, обратившихся к этому стихотворению: возраст; проживание в эмиграции или в России; профессиональные поэты или переводчики, филологи или пришедшие к переводу Милоша из далёких областей знаний, свободно владеющие польским языком или поверхностно знающие язык.

Рассматривается прежде всего фактор запрограммированности обращения к материалу для перевода: стихотворение названо в числе рекомендованных на конкурс переводчиков Милоша в 2011 году, организованный к столетию автора, Нобелевского лауреата, что редуцировало личный выбор материала для перевода. Констатируется причина, почему это стихотворение не привлекло переводчиков, посвятивших переводу стихотворений Милоша основное внимание своей переводческой деятельности (в отличие от близкого по теме и пафосу «Кампо ди Фьори»). Не совпадая с оценкой Милошем публицистической доминанты стихотворения, мы видим причину расхождения переводов-интерпретаций в скрытой связи трёх дискурсов стихотворного текста и трёх образных систем: фантазийного модернистского и риторического этико-религиозного.

Обнаруживается разная степень дешифровки образных метонимических кодов Милоша как в картине распада материи (1-я часть), в картине inferнального посмертного мира (2-я часть), так и в лирическом резюме (3 часть).

Выявляется разная степень выражения в переводах значения ролевого субъекта, переключение на разные «голосовые» регистры поэтической речи. Анализируется проявленность в переводах основополагающей поэтики Милоша – перечислительность как собирание расколотого мира во всеобщее целое.

Делаются наблюдения о трудности ритмического перевода стихотворной речи. Формируется вывод о том, что мнимая понятность лексического слоя польской речи редуцирует внимание к аллюзивному смыслу.

РЕФЛЕКСЫ ПРАСЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА *PYTATI: К ВОПРОСУ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Садыкова И. В.

Томский государственный университет, г. Томск

Актуальность представляемого исследования обусловлена тесной взаимосвязью языка и мышления, ведь именно в языке, а точнее в изменении семантического наполнения его единиц, отражаются те процессы, которые происходят в ходе освоения / познания окружающей действительности.

Цель настоящего доклада – рассмотреть пути семантической деривации родственных лексем на примере одного фрагмента лексической системы в славянских языках.

В качестве материалов исследования использованы лексикографические данные двуязычных, толковых, исторических, этимологических словарей славянских языков, а также других индоевропейских языков.

Лексикографические источники свидетельствуют о том, что рефлекс праславянского глагола **pytati* имеются во всех современных славянских языках, при этом они обладают достаточно высокой деривационной активностью, образуя не только префиксальные глаголы, но и именные части речи и наречия.

В семантическом плане дериваты **pytati* в современных славянских языках представляют собой интересную картину. Практически во всех языках (кроме русинского языка) основное значение единицы связано с ситуацией вопрошания, формулировки различного рода вопросов. Однако вопрошание это может быть разным. Так, польск. *pytać*, чеш. *ptát se* имеют значение «спрашивать» и используются в любой ситуации, в которой нужно задать вопрос и получить в качестве ответа некую информацию, при этом в близкородственном словацком языке функционирует глагол *pytat'* со значением «просить», которое предполагает не вопрос, а обращение с просьбой. Сочетается эта лексема как с конкретными существительными (*chlieb* хлеб, *peniaze* деньги), так и с отвлеченными (*slovo* слово, *prepáčenie* прощение), а на основе сочетаемости с существительным *ruku* сформировалось значение «свататься». Кроме того, этот же словацкий глагол имеет значение «запрашивать (о цене)», которое свидетельствует о том, что вопрос может перерасти не только в просьбу, но и в требование.

В южнославянских языках бесприставочные глаголы болг. *pitam* «спрашивать», с.-хорв. *pitati* «спрашивать» употребляются также для характеристики общей ситуации вопрошания, а у приставочных глаголов болг. *izpitvam*, с.-хорв. *ispitmati*, *ispitivati* семантика развивается преимущественно в научно-образовательную сферу: вопросы задаются с целью сделать оценку имеющимся знаниям («проэкзаменовать»), либо сделать какое-либо открытие в науке («исследовать»), либо специально «выведать» информацию, «провести исследование».

Не менее интересная история семантического развития наблюдается и в восточнославянских языках. Так, у глагола *пытать* в современном русском языке семантика вопрошания совершенно ушла на периферию, а на первое место вышло значение, связанное с причинением боли, муки, страдания.

В русинском языке у деривата праславянского глагола **pytati* сформировалась перцептивная осязательная семантика.

Таковы предварительные результаты проведенного анализа, которые будут дополнены в докладе.

ПОЛДЕНЬ, ПОЛНОЧЬ В АСПЕКТЕ НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Соколова Т. С., Старикова Г. Н.

Томский государственный университет, Томск

В докладе рассматривается номинативно-derivационный потенциал слов *полдень* и *полночь* в восточнославянских языках, который понимается как способность лексических единиц к продуцированию номинативных средств. Задачи исследования включали выявление состава обозначенной лексики и круга понятий, выражаемых ими, для древнерусской эпохи и современного периода. Всего к исследованию привлечено около 200 единиц номинации (др.рус. *пладень*, *полуночье*, рус. *полдѣнки*, *полуночушка*, блр. *повдзѣнки*, *па-паўночнаму*, укр. *північніше*, *полуднання*, русин. *полунне*, *полуденковати* и др.).

Анализ показал, что восточнославянские языки значительно развили гнезда с данными единицами, при этом номинативно-derivационные возможности указанных слов реализовались преимущественно в народной речи, породив в ней богатую синонимию лексических средств.

Сравнение обнаружило несомненно бóльшую мощность гнезда *полдень* по сравнению с *полночь*, бóльшее формально-семантическое разнообразие его дериватов, что объясняется наличием у слова множества значений, обусловленных особой ролью светлого времени в жизни человека. Семантика исходных слов определила характер номинативных сфер, маркируемых производными единицами («Время», «Природа», «Человек»), отразивших накопленный социально-мировоззренческий опыт близкородственных народов, их тесную взаимосвязь.

Структура и значение дериватов в разных языках обладают как общими, так и особенными чертами. Общность выражается одномодельностью образований и их синонимией (рус. *ополночь*, укр. *опівніч*, блр. *апоўначы*, русин. *опівніч*, *упувночи*), специфичность – их формальной и содержательной уникальностью (рус. *межполдень* ‘южная сторона’, *однополденок* ‘светлое время суток’, *полденокшик* ‘подойник’, укр. наречия *південніше* ‘к югу, на юг’, *північніше* ‘к северу, на север’, блр. наименования мифологических существ *паўдэ́нник*, *полудзенник*, *паўдзѣ́нны бес*, *паўночні́к*, русин. *дополуднярь* ‘пастух’, *унідополудне* ‘в первой половине дня’ и др.).

Все вместе они демонстрируют номинативно-derivационный потенциал наименований кульминационных моментов светлого и темного времени суток, развивавшийся, в том числе, под влиянием друг на друга близкородственных языков.

Н. И. НАДЕЖДИН И КАРПАТСКАЯ РУСЬ

Суляк С. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Тараклийский государственный университет, г. Тараклия

Николай Иванович Надеждин (1804–1856) – русский филолог, литературный и театральный критик, философ, журналист, редактор, историк, археолог, этнограф, искусствовед, педагог. Сын бедного сельского священника. Фамилией Надеждин был обязан рязанскому архиепископу Феофилакту (Русанову), который возлагал на него большие надежды.

Н. И. Надеждин внес значительный вклад в развитие науки в России. Еще в 1834 г. он говорил о необходимости изучать русский язык в самых разных сферах, помимо художественной словесности и богословской литературы, отстаивал мысль о применении филологии в качестве вспомогательной дисциплины в истории, выступал одним из основателей исторической географии, сыграл значительную роль в становлении этнографии в России.

В своих работах Н. И. Надеждин затронул и историю Карпатской Руси. Первые материалы ученого по русинской тематике относятся к одесскому периоду его жизни. Самые ранние его статьи касались истории русинов Бессарабии, север которой, по нашему мнению, тоже относится к понятию Карпатская Русь («Прогулка по Бессарабии» (1839 г.)¹, «О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу Угличам» (1844 г.)²).

В 1840–1841 гг. он вместе с Д. М. Княжевичем совершил путешествие по южным и западнославянским землям. В «Записке о путешествии по южно-славянским странам» (1842)³ и в «Отчете о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южно-славянским землям»⁴ (1844) он упоминал о русском населении Венгрии и Трансильвании. К сожалению, отмечал автор, «Русь Юго-Западная, коей чистейшая и самообразнейшая часть уходит из пределов Российской империи» почти не изучается русскими учеными⁵. Н. И. Надеждин сообщал о сохранившихся русских селениях в Трансильвании, жители которых еще недавно говорили «малороссийским языком»⁶, обращал внимание на необходимость дальнейшей разработки дипломатики Дунайских княжеств, особенно Молдавского, которую начал Ю. И. Венелин⁷.

Он отметил, что географическая номенклатура не только в сопредельных с Россией Молдавском и Валахском княжествах, но в Трансильвании и Венгрии, почти вплоть до Дуная «под толстым слоем румынского и мадьярского наноса скрывает основной кряж – мало того славянский – собственно и именно русский»⁸.

В статье «Об этнографическом изучении народности русской» Н. И. Надеждин еще раз поставил вопрос об изучении «народонаселения русского вне России». Он указал на «русскую стихию» в Австрийской империи, на проживающих в Галиции и Венгрии русинов (руснаков)⁹. Ученый напомнил, что в Трансильвании еще сохранились остатки русского населения: «В настоящее время, в большей части здешних русских селений, только женщины говорят еще по-русски; мужчины же променяли свой родной язык на господствующие вокруг: мадьярский или волошский»¹⁰.

В Молдавии и Валахии «присутствие русской стихии обнаруживается еще явственнее, еще резче и целее. Особенно в Молдавии, она просвечивает всюду сквозь господствующий слой населения румынского; наиболее же – в так называемой Молдавии Верхней (Цара-де-Сус)»¹¹.

¹ Надеждин Н. И. Прогулка по Бессарабии / Н. И. Надеждин // Одесский альманах на 1840 г. Одесса: в городской тип. – 1839. – С. 308–447.

² Надеждин Н. И. О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу Угличам / Н. И. Надеждин // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 1. – Одесса, 1844. – Отд. 1. Рассуждения и исследования. Разд. III. География. – С. 243–256.

³ Надеждин Н. И. Записка о путешествии по южно-славянским странам / Н. И. Надеждин // ЖМНП. – 1842. – Ч. XXXIV. Отд. II. – С. 101–104.

⁴ Надеждин Н. И. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южно-славянским землям. (Читан в торжественном собрании Общества 22 марта 1842 г.) / Н. И. Надеждин // Записки

Одесского общества истории и древностей. – Т. 1. – Одесса, 1844. – Отд. 2. – Сборник материалов. Разд. V. Путешествия и розыски по поручениям общества. – С. 545–546.

⁵ Надеждин Н.И. Записка о путешествии по южно-славянским странам / Н. И. Надеждин // ЖМНП. – 1842. – Ч. XXXIV. Отд. II. – С. 102.

⁶ Там же. С. 103–104.

⁷ Надеждин Н. И. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южно-славянским землям. (Читан в торжественном собрании Общества 22 марта 1842 г.) / Н. И. Надеждин // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 1. – Одесса, 1844. – Отд. 2. – Сборник материалов. Разд. V. Путешествия и розыски по поручениям общества. – С. 539.

⁸ Там же. С. 545.

⁹ Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской / Н. И. Надеждин // Записки РГО. – Кн. 2. – СПб., 1847. – С. 83.

¹⁰ Там же. С. 86.

¹¹ Там же. С. 86.

ПОНЯТИЕ «ВЕРА» В ИСТОРИИ РУСИНСКОГО ЯЗЫКА

Толстик С. А.

Томский государственный университет, г. Томск

В русинском языке понятие «вера» (убежденность в чем-либо, в существовании божественных сил) выражают существительные *віра* (доминанта) и *бізовань*.

Лексике разных языков, характеризующей данное понятие, посвящено большое количество работ как синхронного (Т. А. Талапова и др.), так и диахронического характера (С. М. Толстая, Ю. С. Степанов), но не на материале русинского языка.

С целью выявить особенности формирования понятия «вера» в русинском языке определяется, возникло ли оно самостоятельно или под влиянием других языков и культур, что послужило мотивирующим признаком для его репрезентантов.

Во-первых, существительное *віра* в русинском языке представлено в значении 'убежденность в чем-либо, в существовании божественных сил'. Во-вторых, оно употребляется в достаточно большом количестве контекстов устойчивых сочетаний с семантикой веры, доверия: *по вірі* 'верой и правдой', *не мати віри* 'не доверять', *жити на віру* 'сожительствовать без брака' и некоторые другие.

Русинские дериваты в основном продолжают семантику производящего слова 'убежденность в чем-либо, в существовании Бога' (*вірницький* 'связанный с верой', *віровати* 'верить', *вірованя* 'верование' и др.), свойство верности (*вірний*, *вірно*, *вірність*), в ряде случаев развивают значение доверия, обозначая экономические (кредитные) отношения (*віритель* 'кредитор').

Лексика с корнем **ver-* со значением 'убежденность (в существовании высших сил)' относится к общеславянскому фонду. В славянских языках в этом гнезде также представлена следующая семантика: 'доверие', 'преданность', реже 'клятва', 'сватовство'. Индоевропейский материал, по данным словаря Ю. В. Степанова (ср. лат. *verus* 'верный, истинный', др.-в.-нем. *wara* 'правда, истина', др.-исл. *Vār* 'богиня клятвы на верность', др.-англ. *wær* 'союз; обещание; дружба' и др.), позволяет выявить истоки значения 'вера' как 'последовательное возникновение взаимного доверия'.

Русинское слово *бізовань* помимо религиозного 'вера' (*Не змєнишє до віка бізовань твоя*) представлено в значениях 'доверие', 'уверенность'. Оно имеет более узкую сочетаемость и встречается в контекстах реже, чем доминанта *віра*. Семантика доверия отражена и в производящем глаголе *бізовати* 'поручать, доверять', 'довериться, надеяться'.

В некоторых других славянских языках в близком к русинскому ареале зафиксирован ряд слов с этим корнем с семантикой доверия, надежности: укр. диал. *бізувати* 'быть способным, решаться', 'ручаться, подтверждать', 'править плотом', *бізувати* 'братся за что-либо', ст.-укр. *бѣзоватися* 'надеяться' (XVI в.), *бізівний* 'верный, надежный', *бізун* 'плотогон, рулевой' (как тот, кому можно доверять в трудной ситуации), словц. *bizovat* 'доверять'.

В русинский, диалекты украинского и словацкого языков данная лексика была заимствована из венгерского языка с семантикой веры, доверия, ср. *bizni* 'доверять, надеяться', *bizalom* 'вера, доверие' и др. Мадьяризм *бізовань*, скорее всего, появился в русинском языке уже в двух значениях 'вера (религ.)' и 'доверие'. В венгерском языке предшествующим для 'вера' значением было тоже 'доверие', как и у существительного *віра*. Таким образом, для обозначения важнейшего для всех народов понятия «вера» заимствованный репрезентант появляется в языке с целью его дискретного, разноаспектного представления.

Итак, признаком, формирующим понятие «вера», был признак 'доверие'.

1) Наиболее глубокий, формирующий понятие «вера» признак был унаследован еще от праславянского и далее индоевропейского состояния: 'последовательное возникновение взаимного доверия' > 'вера, убежденность в чем-л.' (*віра*). Поскольку «вера» является одним из важнейших культурно значимых понятий, его исторические корни имеют большую

глубину.

2) Тот же признак 'доверие' гораздо позже (примерно в XVI в.) выступил в качестве формирующего анализируемое понятие в венгерском языке, в русинский язык лексика с корнем *bíz*- пришла уже в значении 'вера в божественные силы'.

Таким образом, религиозный аспект анализируемого понятия складывался постепенно, начиная с индоевропейского периода. Заимствование из венгерского языка появилось с целью показать расщепление понятия «вера»: его религиозного и нерелигиозного аспектов (вера как убежденность в существовании божественных сил и вера как доверие).

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ РЕСУРСОВ ИНТЕГРАТИВНОСТИ В МЕДИА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Трофимова Г. Н.

Российский университет дружбы народов, г. Москва

Актуальность данного исследования определяется тем, что лингвокультурные языковые единицы русского и белорусского языков имеют большой потенциал интегративности, который проявляется в их языковой репрезентации в медиатекстах России и Беларуси. По мнению исследователей (В. Г. Костомаров, В. А. Маслова, С. В. Зеленко), языковые контакты между государствами-соседями или между носителями разных языков на территории одного государства можно считать естественными, натуральными.

Цель данного исследования – выявить своеобразие текстов интегративной медиасферы России и Беларуси, связанное с особенностями функционирования лингвокультурных лексических единиц в российских и белорусских медиа.

В качестве материала исследования выступают 120 русскоязычных и 120 белорусскоязычных медиатекстов информационно-новостного характера различных жанров, освещающих события, имеющие особую значимость как для Беларуси, так и для России.

В докладе разрабатываются концептуальные подходы к изучению медиатекстов на русском и белорусском языках через призму лингвокультурологической теории, изучаются лингвокультурные особенности российских и белорусских медиа, предпринимается описание их лингвокультурных особенностей в аспекте межнационального общения как способа понимания специфических особенностей нации и их языковой репрезентации в качестве системы концептов.

В результате исследования выявлены речевые особенности интернет-коммуникации на русском и белорусском языках, обнаружены лингвокультурные маркеры интегративности, которые позволяют определить этнолингвистические сходства и различия функционирования русского и белорусского языков в массмедийном интернет-пространстве.

На многочисленных релевантных примерах показано этнолингвистическое своеобразие функционирования массмедиа в условиях конвергентного взаимодействия русского и белорусского языков, а также сходства и различия репрезентативных моделей формирования языковой картины мира в медиаресурсах на русском и белорусском языках.

В современном интегративном медиапространстве родственные русский и белорусский языки в целом формируют единую концептосферу, которая позволяет, сохраняя национально-культурную уникальность России и Беларуси, создавать общее лингвокультурное медиапространство и обогащать стилистический арсенал выразительных средств языка СМИ, служащий для более точного отражения событий, формирования общественного мнения (например, выражение «Жыве сям'я» на обложке российского журнала «Elle»).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАРКЕРОВ "СВОБОДЫ" В ДИСКУРСЕ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И СЕРБСКОГО ПРАВОВОГО ДОКУМЕНТА

Тубалова И. В., Наземцева М. А.

Томский государственный университет, г. Томск

Проблема национально-культурной обусловленности дискурса ставится в целом ряде гуманитарных исследований (работы Е. М. Верещагина, Г. Д. Гачева, П. И. Гнатенко, И. М. Кобозевой, Г. М. Костомарова, Л. О. Кострюковой, В. В. Красных, П. Серио, Г. Г. Слышкина и др.). При этом институциональные дискурсы (за исключением политического) в данном аспекте исследованы фрагментарно.

В фокусе внимания данного доклада – русский, белорусский и сербский дискурс правового документа. Цель исследования – представить специфику состава и функционирования лексических маркеров свободы как дискурсообразующей смысловой доминанты текстов русского, белорусского и сербского правового документа.

Текст правового документа рассматривается как письменный продукт правового дискурса, под которым понимается процесс социокоммуникативного взаимодействия, реализуемый в ситуации институционального общения, подчиненного интенции государственно-правового регулирования (Н. Г. Храмцова¹).

Материал для анализа – тексты Конституций и отдельных кодексов славянских государств – России, Белоруссии и Сербии.

Дискурсообразующий статус концепта «свобода», констатируемый исследователями философии права (например, Н. Г. Храмцовой), подтверждается результатами дискурс-анализа правовых текстов. В связи с этим лексические единицы, репрезентирующие данный концепт в соответствии с целью дискурса (рус. – *свобода, право, обязанность, должен, обязан, не допускается, запрещается* и под.), приобретают в них особую правовую значимость.

В результате анализа специфики их функционирования в рассматриваемых текстах выявлено, что общие и специфические особенности их реализации определяются следующими факторами.

(1) Общекультурные особенности правового дискурса

Например, состав и функционирование лексем рассматриваемого типа в текстах Конституции всех трех государств отражает превалирование разрешительного аспекта реализации концепта *свобода* над запретительным, что соответствует жанровой цели текста Конституции.

(2) Характер национальной правовой культуры

Например, количественный анализ стабилизированных контекстуальных пар лексем-эквивалентов рус. *право-обязанность*, белорус. *права-абавязак*, сербск. *право-обавеза* показывает приблизительно равное количество таких пар в Конституциях России (7) и Белоруссии (6), но их значительно большее количество в Конституции Сербии (18), что может указывать на более высокую значимость аспекта долженствования в тексте документа сербской правовой культуры.

(3) Возможность различной принципиальной стратегии порождения высказывания, связанной с особенностями языка (А. А. Леонтьев²)

Так, во всех рассматриваемых языках лексем-эквиваленты *свобода* (рус.), *свабода* (белорус.), *слобода* (сербск.) употребляются во мн.ч. только в рассматриваемой сфере коммуникации, что позволяет реализовать общую для данных лингвокультур стратегия дифференциации их правового значения.

¹ Храмцова Н. Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения: монография / Н. Г. Храмцова. – Курган: КГУ, 2012. – 180 с.

² Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

СЕМАНТИКА ПРОСПЕКТИВНОСТИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ, ДРЕВНЕРУССКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКОЙ ПРЕД-)

Филь Ю. В., Вострова Ю. А.

Томский государственный университет, г. Томск

В докладе рассматриваются результаты изучения семантики префикса ПРЕД- на материале глагольных единиц старославянского, древнерусского и современного русского языков.

Исследователи (М. В. Черепанов, М. А. Шелякин) указывают на старославянское происхождение данной приставки. Единицы с ПРѢД зафиксированы в Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков) под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой, в Словаре старославянского языка Чешской академии наук: *прѣдъглаголати*, *прѣдъзнаменати*, *прѣдъпоказати*, *прѣдъположити* и т.п. (в целом около 20 глаголов, а также ряд отглагольных имен).

У ПРѢДЪ в качестве предлога отмечались значения «указание на объект / лицо, к лицевой стороне которого направлено действие» (т. е. традиционное для предлогов, а затем префиксов пространственное значение); а также «указание на отрезок времени, раньше которого совершается действие». Аналогичные значения характерны и для приставки. По мнению М. А. Шелякина, значение нахождения впереди тесно связано с перспективной семантикой «переднего времени», что отражает восприятие времени подобно пространству: то, что ожидает человека впереди, и находится впереди¹.

Перспективное значение (заранее, наперед, заблаговременно совершить действие) глагольных и отглагольных единиц, задаваемое приставкой (*прѣдъпоказати* (заранее указать), *прѣдъполагати* (предполагать) и т.п.) показательным в отношении представления человека о предначертанности человеческой жизни, с одной стороны, и желании заглянуть вперед – с другой, что отражается в старославянских текстах.

Как представляется, данная семантика оказалась востребованной не только в старославянском языке (а также в церковнославянском), но и в других славянских языках (хотя существуют значительные количественные различия в употреблении единиц с ПРЕД-), а словообразовательная модель с ПРЕД- закрепились в этих языках и постоянно «пополнялась» новыми единицами и новыми семантическими оттенками. Полный церковнославянский словарь и Словарь русского языка XI–XVII вв. свидетельствуют о значительно большем (по сравнению с зафиксированными в словарях старославянского языка) количестве глаголов (и других единиц) с ПРЕД-.

Перспективное значение приставки оказывается не единственным переосмыслением пространственной семантики нахождения впереди: на ее основе появляется значение превосходства одного объекта / лица над другим, положение впереди кого-то / чего-то расценивается как количественно преобладающее, более значимое: *прѣдъводити*, *прѣдъсѣсти* (занять первое место).

Анализ глаголов с ПРЕД- показывает, что значения приставки варьируются, перспективная семантика взаимодействует с превосходной и пространственной.

Так, зафиксированный в Словаре старославянского языка глагол *прѣдъварити* (опередить, обогнать) сочетает в себе значение пространственного опережения, рассматриваемого как превосходство в осуществлении действия.

В Полном церковнославянском словаре Григория Дьяченко глагол *предъпобѣдити* сочетает значения «победить заранее» и «победить прежде других».

Словарь русского языка XI–XVII вв. фиксирует глагол *прѣдъизбрати* в двух значениях: «избрать заранее, предназначить, предопределить» и «избрать предпочтительно перед другими».

В Малом академическом словаре у глагола *предстоять* указаны два значения: «стоять, находиться перед кем-л., чем-л.» и «ожидаться в будущем». При этом в современном

русском языке количество глаголов с данной приставкой в пространственном значении значительно сократилось, в то время как перспективное значение стало преобладающим.

Таким образом, семантическая трансформация пространственной семантики в перспективную у глаголов с приставкой ПРЕД- вызывает исследовательский интерес и требует дополнительного осмысления.

¹ Шелякин М. А. О значениях приставки пред- в русском языке / М. А. Шелякин // Типология. Грамматика. Семантика. К 65-летию Виктора Самуиловича Храковского. – СПб.: Наука, 1998. – С.230–234.

КОММУНИКАТИВНАЯ ИСТОРИЯ РУСИНОВ: СОЗДАНИЕ КОГНИТИВНОГО МИРА

Халина Н. В.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Исследование направлено на изучение характерных черт когнитивного мира русинов, определяющих особенности их коммуникативной истории. Опыт исследования коммуникативной истории этноса на материале данных островного алтайского немецкого диалекта с. Глядень накоплен в рамках аспирантской школы по коннективистике и лингвистическому инжинирингу Алтайского государственного университета¹.

Параметризация пространственно-временного континуума «коммуникативная история» требует его нарративного описания на нескольких уровнях, что позволяет воссоздать не только особенности семантического становления ландшафтно-географического комплекса – территории проживания этноса, но и наметить особенности локальной истории, в данном случае русинов в ее различных временных ипостасях.

Русинская языковая общность может быть рассмотрена в качестве поведенческого организма. Понятие «поведенческий организм» Т. Парсонс использует при характеристике социального субъекта, трактуя его как адаптивную подсистему, на которую опираются социальная, культурная, личностная подсистемы². В нем содержатся условия, с которыми должно соотноситься действие, и основные механизмы взаимодействия с физической средой.

Русины в этнических границах территории проживания используют язык-код, который позволяет им приписывать событиям особое значение и, тем самым, создавать собственный текст событий, определяя свое место в историческом процессе. Язык русинов, с одной стороны, объединяет в нечто единое русинскую языковую общность, формируя общий тип языковой рефлексии на семантические, идеологические и политические конфигурации социальной среды и аспекты когнитивного мира. С другой стороны, язык русинской языковой общности обуславливает отбор значимых фактов и установление между ними определенной связи.

Генетическая конституция русинской культуры характеризуется спецификой лингвистического многообразия языковых и ландшафтных форм, которые определили особенности когнитивного контура и когнитивного мира этноса, а также поведенческие образцы русинов, возникающие в ходе взаимодействия с окружающим миром организма генетической конституции русинов. Под организмом генетической конституции русинов при этом подразумевается русинский язык как совокупность человеческих языково-культурных действий.

¹ Столярова Н. Н. Исследование коммуникативной истории алтайских немцев / Н. Н. Столярова // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 168–174; Столярова Н. Н. Языковое существование алтайских немцев / Н. Н. Столярова, Н. В. Халина // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход : материалы Международной научно-практической конференции. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2012. – С. 108–111.

² Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: АспектПресс, 1998. – 270 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕРИВАЦИОННОЙ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСЕЙ УСТНОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ РУССКО-УКРАИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Харченко С. Ю., Стародубцева Н. А.

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Изучение используемых носителями языка лексических единиц в условиях языкового контактирования позволяет определить процессы взаимодействия близкородственных языковых систем.

Предметом нашего рассмотрения являлись производные слова, извлечённые из аудиозаписей устной речи жителей смешанных русско-украинских поселений Волгоградской области.

Анализ языкового материала показал, что наиболее частотны с точки зрения употребления глагольные словообразовательные типы. В бытовой речи донских казаков и потомков украинских переселенцев преобладают производные глаголы, называющие конкретные действия и выражающие посредством префиксальных словообразовательных формантов следующие деривационные значения: 1) довести до завершения действие, названное мотивирующим словом: *привезла, пригнали, приїхали, прийшов*; 2) в несколько приёмов совершить действие, распространённое на все объекты, а также действие, совершённое всеми субъектами: *побросали всё, повиходили за хлопців*; 3) направить в разные стороны, распространить, разъединить с помощью действия, названного мотивирующим словом: *разбомбили посёлок, розлетілися мы*.

У ряда глагольных словообразовательных типов с префиксами-формантами *вы-, за-, от-, по-, при-, про-, раз-* прослеживается омонимичность: *заработить – закончить, отварить – отвозить, продоила – проскакал, приляжешь – прижили (детей), раскалить – раскулачить*.

Реализация субстантивных дериватов в устной речи жителей сёл со смешанным составом населения отражает наличие нескольких словообразовательных типов со значением лица мужского / женского пола, что обусловлено разницей формальных выразителей семантики или характером мотивирующих слов. В исследуемом материале к центральным можно отнести суффиксы *-ец, -ист, -к, -тель*, к периферийным – *-арь, -ор*: *комсомолец, гармоніст, тракторист, заготовитель, казачка, сусідка, еланка, писарь, агитатор*.

Среди адъективных производных наиболее частотны дериваты, имеющие суффиксальные форманты со значениями: 1) сделанный из того, что названо мотивирующим словом: *глиняний, горчичный*; 2) состоящий из того, на что указывает мотивирующее слово: *полотняний, шерстяній, ситцевий*; 3) уменьшительности / ласкательности: *мякенька, чистеньке, слабеньке*; 4) отношения, свойственности или типической принадлежности тому, что названо мотивирующим словом: *соседский, технический, столовий*. В качестве производящих для прилагательных нередко используются имена собственные – географические наименования: *кубанський, український, донський, хопёрские*.

Проведенное исследование позволило установить области пересечения синонимичных деривационных типов; разграничить омонимичные форманты; охарактеризовать результаты межязыкового взаимодействия в условиях совместного проживания носителей восточнославянских языков.

БЕЛОРУССКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Шишигин К. А.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Ульянов А. Л.

Министерство экономического развития Российской Федерации, г. Москва

Актуальность исследования определяется тем, что протестные процессы в Белоруссии позволяют наблюдать изменения в политическом дискурсе, в том числе в лингвополитическом, и в сфере собственно языка, как то: некоторое изменение социальной роли белорусского языка и проявление специфики русского языка и его функционирования в стране.

Основные характеристики языковой ситуации в Белоруссии.

1. Конституции определяют два равноправных государственных языка – белорусский и русский, в обеих версиях Конституции в статье 17 первым назван белорусский: «Дзяржаўнымі мовамі ў Рэспубліцы Беларусь з’яўляюцца беларуская і руская мовы» / «Государственными языками в Республике Беларусь являются белорусский и русский языки».

2. Согласно переписи населения 2019 г. родным языком указали (от общего числа представителей соответствующей национальности): белорусский – 61,2 % белорусов и 2,9 % русских; русский – 38,1 % белорусов и 96,8 % русских.

3. Декларированный билингвизм носит асимметричный характер: белорусский язык обладает более низким статусом, чем русский, и в официальной сфере используется преимущественно в символических целях. Так, А. Г. Лукашенко традиционно приносит президентскую присягу на белорусском, а инаугурационную речь произносит на русском языке.

Некоторые характеристики языковой ситуации в дискурсе политического протеста 2020 г.

1. Белорусско- и русскоязычный протестный дискурс характеризуется интердискурсивностью и интертекстуальностью (см. также п. 2).

2. Роль белорусского языка в протесте соответствует его роли в стране – как языка-символа:

а) главные устные и письменные лозунги – «*Жыве Беларусь!*» (девиз белорусского повстанческого движения 1863-64 гг.) и «*Верым, можам, пераможам!*» (из песни украинской группы «Зепол»);

б) распространенные песни протеста – «*Разбурны турмы муры*» (кавер-версия гимна польской Солидарности «*Мигу*») и «*Тры чарапахі*» группы «N.R.M.».

3. Некоторое (меньшее, чем на русском) количество лозунгов на белорусском языке: «*Я ВЫЙШАЎ ДЗЕ МАЕ ГРОШЫ?*», «*Трыбунал!*», «*Гары. Гавары. Маўчы*», «*Акрэсціна = Асвенцым*» и др.

4. Преимущественный язык протеста – русский: с рядом характерных, в том числе дискурсивно обусловленных, белорусизмов (*Беларусь*, *бус / бусик*, *тихари* и др.) и с особенностями русского языка за пределами России (*каденция* и др.).

5. Трансформация прозвища А. Г. Лукашенко: от *Бацька / Батька* (отражающего патерналистский политический режим) к сменявшим друг друга за время протеста пренебрежительному *Лука* и дискурсивно обусловленным зоонимам *Таракан* и *Крыса* до фитонима *Апельсин* (последние два – также арготизмы).

Некоторые гипотезы.

1. Один из вызовов для белорусского языка – пойти / не пойти по пути других постсоветских стран, т. е. стать / не стать единственным / преимущественным государственным языком.

2. Русский язык в Белоруссии, возможно, следует рассматривать как региональный вариант русского языка.

ОТВЛЕЧЕННАЯ ЛЕКСИКА В СТИШНОМ ПРОЛОГЕ

Щеглова О. Г.

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

Стишной Пролог как памятник церковнославянской письменности, несмотря на возросший в последние десятилетия интерес к изучению его текстологической истории, в лингвистическом плане изучен явно недостаточно. Работ, посвященных исследованию лексики Стишного Пролога, до сих пор сравнительно немного. Целью данной работы является анализ абстрактной лексики, выявленной в текстах Стишного Пролога. Материалом для исследования послужила рукопись Трц-716 XVI века из собрания Троице-Сергиевой Лавры, содержащая чтения на март-май. В этих текстах было выделено более 400 лексем, отнесенных к отвлеченной лексике.

В ходе исследования был сделан вывод, что абстрактная лексика составляет значительную часть словарного состава Стишного Пролога. По нашему мнению, это объясняется, в первую очередь, спецификой самих текстов, являвшихся своего рода нравственной энциклопедией, задачей которой было наставить людей на путь добродетели, показать примеры христианской жизни. Так, например, в нравоучительной части Стишного Пролога именно абстрактные существительные отражают отношение людей к порокам и добродетелям, представления славян о религиозно-нравственной основе жизни, формируют христианские ценности.

Как известно, в словарном составе языка находят свое выражение особенности культуры, менталитета и национального сознания народа. Следовательно, при изучении абстрактной лексики возможно не просто в полной мере рассмотреть указанную часть лексической системы церковнославянского языка, но и глубже понять особенности мировосприятия наших предков.

Лексико-семантический анализ отвлеченной лексики позволил выделить лексико-семантические группы, среди которых наиболее многочисленной является группа «религиозная лексика», в ней можно выделить подгруппу общерелигиозной лексики, слова, обозначающие понятия, свойственные всем основным христианским конфессиям, существительные, обозначающие понятия, свойственные отдельным христианским конфессиям. В составе общерелигиозной лексики встречаются наименования грехов, пороков и добродетелей. Всем христианским конфессиям свойственна лексика, описывающая действия религиозного характера: *исповѣданіе, послушание, въздааніе, сп̑сение, покааніе, прошеніе, к̑рщеніе, пощеніе, поклоненіе, възскресеніе*.

Наличие значительного количества отвлеченной лексики связано с жанровой принадлежностью текстов Стишного Пролога, в состав которого вошли жития, тексты памяти святых, назидательные повести, слова отцов Церкви, а также с определенной тематической направленностью текстов, отражающих морально-этические воззрения христианского общества, в связи с чем многие абстрактные существительные, использованные в текстах, передают особые религиозные смыслы.

Таким образом, абстрактные существительные выступают в качестве основных средств выражения содержания текстов, отражающих картину мира христиан средневековья, и играют важную роль в образовании концептосферы православного христианства.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТОВ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СТРАН С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ¹

Эмер Ю. А., Акентьева К. А.

Томский государственный университет, г. Томск

Праздник как «первичная форма человеческой культуры»² не раз становился объектом описания гуманитарных наук (М. М. Бахтин, А. В. Бенифанд, К. Жигульский, И. М. Снегирев, И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер и др.). Описывая профессиональные праздники, исследователи, как правило, подчеркивают их локальность (Д. М. Генкин³, Г. Г. Карпова⁴). Праздничная идея и ритуал нацелены на чествование представителей определенной профессии, на обоснование, какой вклад они вносят в улучшение качества жизни людей и развитие страны в целом.

Ядерным жанром праздничного дискурса является «поздравление», в связи с его способностью моделировать гармоничную картину мира оно становится востребованным в других дискурсах (О. А. Евтушенко, В. Ю. Ослопова, В. В. Кашпур, Е. А. Кожемякин и др.), в том числе в политическом. Поздравление президента становится инструментом для трансляции позиции автора и одним из способов реагирования на актуальные события, что прослеживается в выборе профессиональных праздников, как показал сравнительный анализ текстов за 2018–2020 годы.

Цель работы – описание особенностей жанра «поздравление» с профессиональными праздниками, авторами которых являются президенты России, Украины и Белоруссии. В фокусе внимания – тексты, размещенные на официальных сайтах в 2020 году.

Поздравление президента, как и любое другое поздравление, функционирующее в политическом дискурсе (см. Ю. А. Эмер, К. А. Акентьева⁵), подстраиваясь под запросы «принимающего» дискурса, актуализирует институциональные установки автора, а также моделирует обусловленную ими нормативную картину мира.

Коммуникативной целью жанра становится чествование представителей определенной профессии. При этом автор моделирует идеальный образ специалиста в соответствии с выполняемыми им функциями и присущими качествами, социокультурными стереотипами (медик – самоотверженный; пограничник – смелый и т.д.). Кроме того, поздравление может способствовать развитию профессионального самосознания и укреплению престижа профессии в интересах экономики.

Поскольку поздравление становится инструментом для продвижения идеи автора, то значимым становится выбор праздников, чтобы подчеркнуть важность профессии и продемонстрировать вектор развития страны в конкретной области. Также критерием выбора могут стать значимые события: в 2020 г. В. В. Путин и А. Г. Лукашенко обращались к медикам, В. А. Зеленский – к донорам крови, что может быть обусловлено эпидемией COVID-19.

Поздравление президентов с профессиональными праздниками строится по характерной для политических поздравлений схеме: обращение, поздравление, информационная часть, пожелание. В информационной части президент моделирует гармоничную картину мира, указывает в ней место адресата и черты его характера в соответствии с общей историко-культурной ситуацией, а также собственными политическими установками.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.12.2020).

² Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 237–280.

³ Генкин Д. М. Массовые праздники / Д. М. Генкин. – М.: Просвещение, 1975. – С. 56–58.

⁴ Карпова Г. Г. Праздник в контексте социальных изменений: Дис. ...канд. социол. наук: 22.00.06 / Карпова Галина Геннадьевна. – Саратов, 2001. – С. 54–55.

⁵ Акентьева К. А. Жанровая трансформация «поздравления» в политическом дискурсе / К. А. Акентьева, Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 61. – С. 135–148.

СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ

Акентьева Ксения Алексеевна, аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Аникин Денис Владимирович, к.ф.н., доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Алтайского государственного университета, г. Барнаул (Россия)

Бакшаева Алёна Андреевна, ассистент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань (Россия)

Березович Елена Львовна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина, член-корреспондент РАН, г. Екатеринбург (Россия)

Борисова Елизавета Олеговна, к.ф.н., лаборант кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (Россия)

Буб Александра Сергеевна, м.н.с. лаборатории лингвистической антропологии, ст. преподаватель кафедры романских языков Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Вепрева Ирина Трофимовна, д.ф.н., зав. кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (Россия)

Волошина Светлана Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Вострова Юлия Александровна, аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Высочаньски Влодзимеж, д.ф.н., профессор института славянской филологии Вроцлавского университета, г. Вроцлав (Польша)

Глотов Александр Леонидович, д.ф.н., профессор кафедры иностранных языков и методики их преподавания Кременецкой областной гуманитарно-педагогической академии им. Т. Шевченко, г. Кременец (Украина)

Гринев Сергей Викторович, д.ф.н., профессор кафедры англистики и межкультурных коммуникаций Московского городского педагогического университета, г. Москва (Россия)

Демешкина Татьяна Алексеевна, д.ф.н., зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Десюкевич Ольга Ивановна, к.ф.н., доцент кафедры славянских языков Минского государственного лингвистического университета, г. Минск (Республика Беларусь)

Дронова Любовь Петровна, д.ф.н., профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Дыбо Анна Владимировна, д.ф.н., член-корреспондент РАН, зав. отделом урало-алтайских исследований Института языкознания РАН (г. Москва), зав. лабораторией лингвистической антропологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Дымарский Михаил Яковлевич, д.ф.н., профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург (Россия)

Жолнерович Петр Петрович, к.ф.н., доцент кафедры медиалингвистики и редактирования Белорусского государственного университета, г. Минск (Республика Беларусь)

Зеленко Сергей Викторович, к.ф.н., доцент кафедры медиалингвистики и редактирования Белорусского государственного университета, г. Минск (Республика Беларусь)

Ицкович Татьяна Викторовна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (Россия)

Корнеева Татьяна Александровна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань (Россия)

Королькова Полина Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия)

Кульпина Валентина Григорьевна, д.ф.н., доцент кафедры славянских языков и культур Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия)

Кучко Валерия Станиславовна, к.ф.н., ст. науч. сотрудник кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (Россия)

Лебедева Наталья Борисовна, д.ф.н., профессор кафедры стилистики и риторики, Кемеровского государственного университета, г. Кемерово (Россия)

Мещерякова Ольга Александровна, д.ф.н., профессор кафедры литературы и русского языка Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург (Россия)

Наземцева Мария Андреевна, аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Натпит Айдысмаа Андреевна, преподаватель кафедры иностранных языков Тувинского государственного университета, г. Кызыл (Россия)

Пазио-Влазловская Дорота, к.г.н., зам. директора института славистики Польской академии наук, г. Варшава (Польша)

Рабенко Татьяна Геннадьевна, к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета, г. Кемерово (Россия)

Резанова Зоя Ивановна, д.ф.н., зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Рыбальченко Татьяна Леонидовна, к.ф.н., доцент кафедры истории литературы XX века Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Садыкова Ирина Викторовна, к.ф.н., доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Соколова Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Сорокина Эльвира Анатольевна, д.ф.н., профессор кафедры английской филологии Московского государственного областного университета, член Международного комитета славистики, Российской терминологической ассоциации и Международного центра терминологии и антропологистики, г. Москва (Россия)

Старикова Галина Николаевна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Стародубцева Наталья Анатольевна, к.ф.н., доцент кафедры русской филологии и журналистики Волгоградского государственного университета, г. Волгоград (Россия)

Суляк Сергей Георгиевич, к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург (Россия), профессор Тараклийского государственного университета, г. Тараклия (Молдова)

Толстик Светлана Александровна, к.ф.н., доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Толстова Мария Анатольевна, м.н.с. лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Трофимова Галина Николаевна, д.ф.н., профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов, г. Москва (Россия)

Тубалова Инна Витальевна, д.ф.н., профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Ульянов Алексей Леонидович, референт департамента регионального развития Минэкономразвития России, г. Москва (Россия)

Филь Юлия Вадимовна, к.ф.н., доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Халина Наталья Васильевна, д.ф.н., профессор кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, г. Барнаул (Россия)

Харченко Светлана Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры русской филологии и журналистики Волгоградского государственного университета, г. Волгоград (Россия)

Шишигин Кирилл Александрович, д.ф.н., профессор кафедры германских и романских языков Кемеровского государственного университета, г. Кемерово (Россия)

Щеглова Ольга Георгиевна, к.ф.н., зав. кафедрой источниковедения литературы и древних языков Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия)

Эмер Юлия Антоновна д.ф.н., профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)